

Спасатели Веера

Василий Головачев

Избавитель

«ЭКСМО»

2001

Головачев В. В.

Избавитель / В. В. Головачев — «Эксмо», 2001 — (Спасатели Веера)

Схлопывание Веера Миров грозит уничтожением любого разума во Вселенной. На долю героев этой книги, обыкновенных людей, наших современников, выпала нелегкая задача – принять вызов сил Тьмы и пройти по хронам Веера, чтобы сразиться с коварными врагами, среди которых и сам Люцифер, помочь Семерке магов в их битве с Великими игвами и не дать Злу изменить реальность.

© Головачев В. В., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Эпизод 1	5
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	31
ГЛАВА 5	37
Эпизод 2	45
ГЛАВА 1	45
ГЛАВА 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБАВИТЕЛЬ

Господь, благослови

Незримый мир святого пилигрима

И дай земле твоей ночь мира и любви!

И. Бунин

Эпизод 1

СКРЫТАЯ СУТЬ

ПРОЛОГ

Он проснулся от неясной тревоги.

Полежал, не открывая глаз, прислушиваясь к своим ощущениям. Привычным усилием воли вызвал отсчет времени: два часа ночи с минутами. Что случилось? Почему сторож организма разбудил его мягкой кошачьей лапой, а не трахнул по черепу с криком: вставай, самурай, за тобой пришли?! Что означает этот «несанкционированный» ночной подъем?..

Что-то тихо прошелестело в воздухе – словно пролетел сюррикэн.

Такэда приоткрыл веки, готовый увидеть призраков или гостей во плоти и крови, но в спальне никого не было. Только на тумбочке моргала зеленым и желтым искорка света, отсчитывая секунды, как таймер.

Искорка света...

Такэда рывком сел.

Это светился эрцхаор! Магический перстень, полевой индикатор, реагирующий на появление в хроне носителей силы!

– Мо дзикан-га киратэ имас!¹ – прошептал Такэда по-японски, суеверно отмахиваясь одним пальцем.

Камень эрцхаора мигнул еще раз и погас.

– Так-то лучше...

Но искорка света возникла вновь, замигала чаще.

И тотчас же приглушенной трелью залился дверной звонок.

Такэда набросил на себя халат, открыл дверь. Перед ним стоял седой старик в видавшем виды осеннем пальто, без шапки, в потрескавшихся осенних ботинках без шнурков. Лицо у него было синее от холода, руки спрятаны в карманы пальто, и весь он был какой-то мятый, скукоженный и жалкий, только глаза светились изнутри знакомым магическим блеском.

– Пусти погреться, оруженосец, – хрипло проговорил старик.

– Посланник! – пробормотал Такэда.

– Всего лишь курьер, – усмехнулся ночной гость.

Такэда отступил в сторону, впуская незнакомца, предложил тапочки и провел в гостиную. Спросил, видя, что осматривающийся гость дрожит как осиновый лист и не спешит начинать разговор:

– Каким ветром вас занесло в наши края?

¹ Ваше время кончилось (яп.).

– Ветром перемен, – ответил старик, глядя на коллекцию холодного оружия хозяина, повернулся к Тояве. – Мост почти готов, еще немного – и ОН вернется.

– Люцифер!

– Денница. Утренняя Заря, Великий Экспериментатор и Созидающий Разрушитель. Его возвращение из Болота Смерти будет означать новое потрясение Веера и как следствие – новые войны и жертвы. Этого допустить нельзя. Зовите Седьмого, будем беседовать. Надеюсь, мне удалось обмануть нюхачей СС и мое появление здесь не засекали их наблюдатели.

Такэда поднял трубку телефона, набрал номер Сухова:

– Ник, одевайся тихонько и ко мне.

– Ты с ума сошел! Два часа ночи! Что случилось?

– У меня... гость.

Секундная тишина.

– Посланник?!

– Курьер. – Такэда покосился на старика, коротко добавил: – Жду.

Положил трубку.

– Чай, горячий шоколад, глинтвейн, кофе?

– Мы люди простые, кофейми и глинтвейнами не избалованные. Чайку, и погорячей, если можно. Замерз как собака! Не думал, что у вас тут на Земле такие лютые зимы. Не представляю, как мой носитель, – гость ткнул пальцем себе в грудь, – выдерживает такие холода в течение долгого времени.

– Бомжи у нас великие специалисты по выживанию.

Такэда приготовил чай, принес на подносе в гостиную. Старик с удовольствием принялся есть варенье и прихлебывать ароматный напиток, держа чашу в обеих руках. Закончил чаепитие он как раз в тот момент, когда приехал Сухов. Некоторое время они смотрели друг на друга, словно оценивая и вспоминая былое, потом гость встал, проговорил негромко:

– Плохие известия, Седьмой. По моим сведениям, Великий игва Уицраор заканчивает строительство Моста-тоннеля через Суфэтх, чтобы помочь своему Господину вернуться в Шаданакар.

– Я уже не Седьмой, – качнул головой Сухов. – Седьмой ушел... в неведомые дали, здесь лишь его оболочка. – Никита коснулся пальцем груди, как это сделал до него визитер. – Кто вы? На очередного посланника, собирателя новой Семерки, вы, мягко говоря, не похожи.

– Всего лишь курьер с определенным посланием. Это тело не мое, я – программа, вселенная в человека Земли, и знаю не так уж много, но моя задача – известить вас, что я и делаю. Остальное не в моей компетенции.

Сухов и Такэда переглянулись.

– Присядем. – Никита сел на диван. – Толя, принеси и мне чашку, погрею внутренности, на улице не меньше минус двадцати, да еще с ветром.

Такэда принес две чашки, и они принялись пить чай, поглядывая друг на друга. Потом курьер отставил чашку, вытер выступивший на лбу пот и блаженно откинулся на спинку кресла.

– Славно! Давно не чувствовал себя так комфортно.

– Начинайте, – обронил Сухов.

Старик подтянулся, посерьезнел, глаза его налились светом, как бы протаяли в глубину.

– Я знаю, что вы лишены силы. Седьмой действительно ушел в невообразимые пространства Веера, возможно, даже покинул его. Остальные маги Семерки, хранители своих хронов-миров, закапсулировали свои владения, чтобы спасти их от схлопывания в черной дыре общего коллапса, и не отзываются на наши вызовы. – Старик пожевал губами. – Во всяком случае, меня они к себе не пустили.

– Их можно понять. Непонятно другое: почему начал складываться Веер? Ведь Семерка стабилизировала его положение.

– Семерка не имела необходимого качества. – Старик-курьер развел руками. – Прошу прощения, Седьмой, но это правда. Вы не смогли убедить магов присоединиться к вам, а замена одного из Семи Дадхикраваном себя оправдала не полностью. Воли Семерых хватило на отсечение Люцифера от Шаданакара, но не хватило на полную стабилизацию Веера, и теперь он уже, по сути, не Веер – нечто вроде «пенного конгломерата» Миров-метавселенных, каждый из которых отделен от соседних тонкой «мыльной пленкой» потенциального порога. Эта «пленка» уже начала рассасываться, лопаться, и пузырьки-миры проникают друг в друга, объединяются, растворяются, перемешиваются. Близкие по физическим параметрам еще как-то сохраняют объемы и материальные структуры, а те, в которых законы отличаются достаточно сильно, просто нейтрализуются. Естественно, с уничтожением цивилизаций и жизни вообще.

Наступила тишина.

Такэда сидел молча и не двигался. Сухов тоже молча смотрел в пол, у него горели уши, так как упрек в его адрес был справедлив, но оправдываться не имело смысла, ничего изменить было уже нельзя.

– Что вы предлагаете? – спросил он наконец, поднимая глаза. – Снова выступить в Путь? Собрать новую команду?

– Это нереально, – с сожалением покачал головой курьер. – Мы уже пытались. Хотя стоит, наверное, попробовать еще раз. Предстоит решить две глобальные задачи, в какой-то степени зависимые друг от друга. Задача первая: объединить магов, повелителей хронов, чтобы заговорила Spiritus Mundi – Соборная Душа Шаданакара. Это позволит остановить процесс схлопывания «пены» Веера. Вторая задача: разорвать Мост через Суфэтх, не дать соединиться двум Великим Отступникам – Уицраору и Деннице.

Сухов усмехнулся, глянул на Такэду.

– Ничего нет проще, да, самурай? Как ты думаешь, справимся?

– Если надо – почему нет? – философски пожал плечами Тоява.

Никита фыркнул.

– Спасибо за поддержку. Только Путь Меча мне уже не по силам.

– Путь Меча вами уже пройден, – сказал гость. – Нужен другой уровень – Путь Духа. Этот шанс вами еще не упущен. Изменить состояние Мироздания может лишь Избавитель, вы должны его отыскать. Или воспитать.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Никита.

– Пройти по Мирам Шаданакара незаметно, не колебля сети контроля Великих игв, которая все еще работает на своих хозяев, может лишь тот, кого еще нет.

– Не понимаю.

– Ваш сын, – просто сказал старик. – Вы отлично знаете, что он – не обычный мальчик, а хранитель силы. Она еще спит в нем, проявляясь самым невинным образом, но скоро заговорит в полный голос. И в этот момент он должен будет иметь хороших защитников, ибо слуги Уицраора попытаются его уничтожить. Они тоже знают о возможном появлении Избавителя и давно ищут его носителя.

– Моему сыну всего пять лет...

– Сила заговорит в нем в двенадцать лет, будьте готовы.

Сухов перехватил понимающий, поддерживающий, сочувствующий взгляд друга, тряхнул волосами.

– А если я откажусь?

Курьер вздохнул, с не меньшим сочувствием глядя на него.

– Я не уверен, что воспринял переданный мне пакет информации правильно, однако ваш сын – единственный, кто может спасти Шаданакар. От вас, точнее, от мага Сухова, он взял частичку воли, от мамы Ксении – частичку Соборной Души Веера, от вашего друга Александра, или, как вы называли его, «бога данного мгновения», – канал связи с Творцом Веера.

Я не знаю, как это все проявится в нем, но проявится непременно. Даже вопреки вашей воле. Даже если вы откажетесь продолжать Путь.

В гостиной снова стало тихо.

Сухов закрыл лицо ладонью, задумался. Такэда смотрел на него с сожалением, ночной визитер – с сомнением во взоре. Наконец бывший Посланник, ставший волею обстоятельств Седьмым законотворцем Веера Миров, поднял голову.

– Что мы должны делать?

Такэда тихо рассмеялся, забрал поднос с пустыми чашками, направился на кухню, проговорив:

– Мне нравится это твое «мы».

Курьер тоже улыбнулся.

– Вы неплохо дополняете друг друга.

– Как Санчо Панса и Дон Кихот, – проворчал Сухов. – Причем иногда я ловлю себя на мысли, что Дон Кихот на самом деле он. Однако, для того чтобы снова выступить в поход, нам нужна экипировка и оружие.

– Боюсь, в этом вопросе я вас разочарую, – виновато развел руками курьер. – Насчет экипировки у меня нет никаких инструкций. Очевидно, данную проблему вам придется решать самостоятельно.

– Час от часу не легче! И где же мы достанем настоящее оружие? Я, например, не знаю, где Сухов-Седьмой спрятал Финист. Да и шиххиртха у меня нет.

– Все старое магическое оружие не действует в пределах Шаданакара, вам придется искать другое оружие. Но меч, точнее, оператор гипервоздействия, должен работать, его стоит поискать. Думаю, Седьмой либо взял его с собой в странствие, либо оставил в хроне, где спит Святогор, первый повелитель Финиста. Неплохо было бы вызволить великана из гробницы, Гиибель-то ликвидирован, а значит, и заклятие его уже не имеет прежней силы.

– Это идея, – согласился Сухов. – И все же без оружия мы далеко не пройдем, нас остановит первый же патруль СС или ЧК.

– Поэтому по «лестнице» Шаданакара надо идти бесшумно, незаметно, на цыпочках. Пока не появятся спутники, способные защитить вас.

– Разве «лестница» сохранилась? Ведь Дадхи уже не соединяет хроны сетью хроноскважин...

– Естественно, «лестница» не сохранилась. Великие игвы до Сражения успели частично реанимировать систему связи хронов, ее хранителями сейчас якобы являются хаббардианцы, но вам придется выходить на эту систему также самостоятельно. У меня нет прямых сведений, как и где ее искать, есть только подсказка: на Земле остался один из темных наблюдателей – Вуккуб. Попробуйте найти его.

– Вуккуб? – с сомнением переспросил Сухов. – Разве мы его не освободили?

– Ваша Семерка сняла с него заклятие, зато его за связь с вами наказала другая сторона – контролеры ЧК, подчиняющиеся Уицраору. Сам он близок по качествам к Люциферу – почти чистый интеллект, не отягощенный эмоциями и морально-этическими принципами, а вот слуги Уицраора олицетворяют жестокое и беспощадное, крайне эгоистическое, агрессивное отношение к миру. Они не знают, что такое милосердие и прощение.

– Где его можно отыскать? – спросил вернувшийся с кухни Такэда.

– У вас есть магический индикатор, с его помощью вы найдете Вуккуба.

– Вы имеете в виду эрцхаор? Но ведь Семерка повысила потенциальный порог магического воздействия на Шаданакар, эрцхаор не должен срабатывать.

– Повеление Семерки не было абсолютным. Кое-какие проявления магической физики допустимы в любом хроне. Иначе как бы мне удалось вселиться в вашего московского бомжа? Кстати, по легенде в Веере сохранилась и хроносеть Предтеч, тех, кто преобразовывал его

задолго до появления Великих игв и даже до рождения Люцифера. Но это, возможно, только легенда.

Сухов посмотрел на Такэду, прищурился.

– Ну что, самурай, твое мнение? Сдадим этого сумасшедшего в психолечебницу или последуем его советам?

Старик-курьер улыбнулся, понимая чувства собеседников.

– Психолечебница сама придет за мной. Когда я уйду, носителю придется туго, его психика может не выдержать следов присутствия курьера. Но объект вселения, к сожалению, не выбирают: кого мне подсунили, тем я и пользуюсь. Он был первый, кто попался в поле зрения системы наведения. Да и не важно это в конце концов. Прощайте, Седьмой, прощайте, оруженосец. Цель вам понятна?

– Это раньше были цели, – проворчал Такэда меланхолично. – Теперь все больше – мишени...

– Понятна, – сказал Сухов со вздохом, покачал головой. – Мой сын – Избавитель... никогда бы не подумал! Справится ли он? Даже в двенадцать лет он будет всего лишь мальчишка...

– Мы поможем ему, – сказал Такэда, кладя ему руку на плечо.

Курьер молча поклонился им и, не оглядываясь, зашаркал к выходу. Из прихожей донесся его надтреснутый голос:

– Желаю удачи, земляне...

Стукнула дверь, стало тихо.

Двое в комнате, знавшие цену Пути, вслушивались в тишину и молчали.

ГЛАВА 1

С высоты королевского холма – Рувы, где некогда жили правители Мадагаскара, открывался великолепный вид на раскинувшийся внизу Антананариву. В самом центре малагасийской столицы, занимающей плоскую низину, располагалось священное озеро Ануси с удивительного – сиреневого цвета водой, отражавшей краски цветущих вокруг раскидистых джакаранд. Посреди озера возносился в ослепительно голубое небо обелиск малагасийцам, погибшим в двух мировых войнах. За озером начинались жилые кварталы, блестящие стеклом и серибристым металлом крыши, и ажурные скелеты строящихся небоскребов. Вокруг озера, насколько хватало глаз, по склонам красных холмов и среди выходов черных базальтов теснились кварталы старого Антананариву, в которые вливались неестественно яркие изумрудно-зеленые островки рисовых полей.

В отличие от большинства африканских столиц Антананариву, или Тана, как называли город сами аборигены, избежал космополитического влияния колониальной архитектуры и сохранил свое национальное обаяние и колорит. Его петлявшие по пригоркам улицы были застроены разноцветными каменными домами, узкими, но высокими, похожими больше на своеобразные скворечники. Чтобы летом уберечься от африканской жары, а зимой – от антарктических ветров, окна в них специально делают узкими, как щели. А чтобы скатывающиеся с холмов после частых тропических ливней потоки не снесли дом, его ставят на очень высокий фундамент. Попасть в некоторые из таких домов, построенные еще в позапрошлом веке, можно только по приставной лестнице, убираемой на ночь.

По данным группы целенаведения, бывший чеченский полевой командир Шамиль Басхадов по прозвищу Сатана, лично казнивший около двухсот бойцов и командиров Российской армии и мирных жителей, после бегства из Чечни укрылся на Мадагаскаре и проживал именно в таком «скворечнике» на улице Индепенданс недалеко от древней площади Аналакели. Дом этот с высоты Рувы виден не был, но Ростислав Степанович Светлов (кличка Росс), капитан десантно-диверсионной группы «Возмездие» Главного разведуправления Министерства обороны России, в совершенстве владевший четырьмя языками (кроме малагасийского, хотя это и не являлось помехой для выполнения задания, так как на Мадагаскаре были в ходу и английский, и немецкий языки), уже знал месторасположение объекта и теперь готовился изучать подходы к нему.

Группа «Возмездие», тайная сестра знаменитого «Вымпела», о существовании которой знали только высшие должностные лица страны и командования ГРУ и Минобороны, появилась на Мадагаскаре в середине августа. Целью группы было уничтожение Басхадова, отличавшегося особой жестокостью по отношению к военнопленным и заложникам, и сомнений в целесообразности высадки «десанта возмездия» на экзотический Мадагаскар ни у командира, ни у рядовых бойцов группы не было. Правда, рядовыми членами ДДГ «Возмездие» назвать было трудно. Все они были офицерами, знали по нескольку иностранных языков, владели рукопашным боем, всеми видами оружия, водили все виды наземного транспорта, могли пилотировать вертолеты и самолеты. Кроме того, все они умели работать с компьютерами, что подчас оказывало неоценимую помощь при проведении тех или иных спецопераций за рубежом.

Капитану Светлову исполнилось двадцать восемь лет. Родился он 21 января 1974 года в Калуге, закончил школу, затем Рязанскую десантную академию, экстерном – Институт иностранных языков и после службы в ВДВ остался в армии. В десантно-диверсионную группу «Возмездие» его пригласили после «командировки» в Чечню в двухтысячном году, с тех пор он служил в этом подразделении, проявив себя с самой лучшей стороны. В одиннадцати спе-

циальных операциях по захвату и уничтожению террористов и убийц Светлов не допустил ни одного промаха и считался одним из самых «крутых» перехватчиков класса «рэкс»².

Женат он не был. Год назад во время одного из рейдов по Туркменистану он спас девушку-туркменку, дочь ректора Ашхабадского университета, захваченную в заложники, влюбился и хотел жениться. Однако в это время вступил в силу новый закон о бракосочетании туркменок с иностранцами (граждане России тоже относились к иностранцам), по которому претенденту надо было платить за брак пятьдесят тысяч долларов «для гарантии обеспечения детей на случай расторжения брака», и Ростислав не смог набрать нужной суммы.

По природе Светлов был довольно спокоен, методичен, склонен к детерминизму, хотя удача не всегда становилась его союзницей. Поэтому ему приходилось бороться ради достижения желаемого результата: с обстоятельствами, с людьми, со временем, с самим собой. Спасали дисциплинированность и упорство, позволяющие успешно преодолевать препятствия, а систематичность и планирование давали возможность предвидеть и разрешать проблемы до их возникновения. Эта способность Ростислава вызывала неизменное уважение коллег и друзей, даже если не все они понимали, каким трудом ему достается видимая легкость решения проблем. Прямой и справедливый, Светлов всегда поступал в соответствии с законом: делай другим то, что сам хотел бы получить в ответ. Друзья любили его за это, а ценили за постоянство и надежность. С командованием же из-за недостатка дипломатичности у него случались инциденты, хотя и оно ценило его мастерство и опыт оперативника и уважало твердость мнений. В такой специфической сфере деятельности, в какой нашел свое призвание Светлов, не сомневающийся, что убийцы и подонки жить не должны, отношения в команде могли базироваться только на основе взаимного доверия, и Ростислав был идеальным партнером. За всю свою жизнь, пусть и недлинную, но плотно заполненную событиями, он никого не подставил и не подвел.

На Мадагаскар члены группы «Возмездие» добирались поодиночке, как туристы, разными самолетами и в разные города, а уж потом собирались в условленное время и в заранее установленном месте. Местом этим был зума – центральный городской базар Антананариву, каких не встретишь, пожалуй, ни в каких других столицах мира.

По-малагасийски «зума» – пятница. По легендам, раньше заниматься торговлей на острове разрешалось только в этот день, чтобы не отвлекать крестьян и ремесленников от основного дела. Теперь торговать на Мадагаскаре можно ежедневно, хотя по традиции самый большой базар и ныне собирается по пятницам и субботам. В погожие дни на зума съезжаются до двадцати пяти тысяч человек.

Светлов, впервые попав сюда, был поражен столпотворением и масштабами базара, живущего по своим законам почти круглосуточно. Ради любопытства он прошелся вдоль импровизированных лавок и столов с товарами и словно попал в музей, равных которому не видел нигде. Здесь продавали свои изделия не только ткачи, сапожники, мебельщики, портные, художники и мастера резьбы по кости и дереву, но и адепты редких ремесел и профессий – от доильщиков змеиного яда до изготовителей музыкальных инструментов из сушеных тыков и слоновьих ушей. Впервые Ростислав мог познакомиться в полной мере с культурой мальгашей и с ними самими.

Он с интересом повертел в руках алу-алу – миниатюрные копии резных деревянных надгробий, которые продавал старик с желто-коричневым цветом кожи. У него наличествовали жидкая растительность на лице, блестящие черные волосы, связанные в пучок, и характерный для азиатов разрез глаз. На африканца он походил мало, и когда Светлов спросил его по-английски, откуда он, старик кратко ответил:

– Махафали.

² Рэкс – разведчик экстра-класса.

Светлов кивнул. Перед «турпоходом» его напичкали разного рода информацией, где имелись сведения и о племенах скотоводов махафали, обитающих на юго-западном побережье острова.

Затем он остановился у продавщиц циновок. Это были уже типичные представительницы восточноафриканского побережья из племени макуа, предки которых либо были проданы из Мозамбика на Мадагаскар в рабство, либо сами сбежали на остров, спасаясь от набегов торговцев живым товаром.

После осмотра циновок Ростислав ощупал тамтамы в рост человека, словно прицениваясь к ним, полюбовался на сплетенных из сушеных банановых листьев жирафов вдвое выше человеческого роста, выслушал торговца, предлагавшего порошок, который способен покорить сердце любой красавицы, средство от сглаза, лекарство, возвращающее мужскую силу и фигурки каких-то божков, двуруких, двуногих, но трехголовых. Они казались живыми и буквально просили взять их в руки.

Светлов повертел в пальцах светло-коричневую фигурку божка с выпученными глазами на средней голове, в то время как две другие головы божка были безглазыми, хотел было потроговаться, и в это время кто-то сказал сзади:

– Это бецабеца, злой дух. Возьмите лучше другой амулет.

Говорили по-немецки.

Светлов обернулся.

На него смотрел бледнолицый немец в шляпе из рисовой соломки, в шортах, с квадратной челюстью, сероглазый, с усиками а-ля Гитлер. На одном плече у него висела сумка, на втором фотоаппарат, в руках немец держал видеокамеру. Это был майор Юра Владимиров по кличке Вихрь, командир группы.

– Какой посоветуете? – также по-немецки спросил Светлов.

– Например, вот этот. – «Немец» показал на другую фигурку в форме человечка с большой головой и огромными глазищами. – Это бемихисатр, амулет, способный предсказывать опасность и помогающий преодолевать препятствия. Говорят, он даже предугадывает автомобильные аварии.

– Спасибо за совет, – кивнул Светлов, посмотрев на продавца. – Беру.

Тот засуетился, начал расхваливать амулеты и остальной свой товар, но Ростислав уже получил, что хотел, и задерживаться у словоохотливого аборигена не стал. Неторопливо побрел вслед за майором, не выпуская из виду его пеструю рубашку и поглаживая амулет в ладони. Через минуту один за другим они вошли в лавку, где продавались чучела крокодилов, от «сувенирных», размером с руку, до трехметровых, а также изделия из крокодильей кожи и высушенные чучела хамелеонов. Хозяин лавки, темнолицый махафали в широкополой шляпе и с трубкой в зубах, не обратил на гостей ни малейшего внимания, глядя перед собой остановившимся взглядом наркомана.

Майор миновал прилавок и нырнул в неприметную дверь за циновкой. Светлов последовал за ним. Они оказались в небольшом темном помещении, заставленном картонными коробками и чучелами крокодилов. Очевидно, это был склад лавки, где хранились предметы торговли. В помещении уже находились трое людей в самых разных костюмах, указывающих, что они на Мадагаскаре гости, туристы. Это были остальные члены группы: старлей Сичкарь Борислав, лейтенант Дима Рагозин и капитан Арыстан Буркитович Канжыгалы Кабанбай, казах по национальности, самый старший из всех – ему пошел сорок четвертый год. Отзывался он исключительно на кличку Бай, не признавая имени-отчества. Если группе приходилось работать в Азии, Бай был незаменим, так как вполне мог сойти и за японца, и за китайца, и за корейца.

Ростислав молча пожал всем руки, сел в уголке на коробку, продолжая вертеть в пальцах купленный амулет, чувствуя его странную приятную бархатистость и прохладу.

- Как там? – кивнул на дверь Сичкарь, кряжистый, с усами и бородкой, типичный хохол.
- Жарко, – односложно ответил Светлов.
- Помыться бы в баньке, – вздохнул старлей. – Полторы недели не мылся.

Все промолчали. Сичкарь летел в Антананариву из Кабула, где недавно вышел очередной указ руководства Афганистана о запрещении пользоваться банями и бассейнами иностранным гражданам, что, естественно, не способствовало лучшему усвоению гостями учения пророка Мухаммада.

– Обстоятельства изменились, – сказал Владимиров, глянув на часы. – Поступил приказ ликвидировать Сатану сегодня ночью.

– Но мы же не успели провести рекогносцировку, – удивленно проговорил Дима Разогин.

– До вечера у нас двенадцать часов, успеем. Сейчас придет проводник, покажет видеоролик с домом, где устроился Сатана со своими джигитами, потом каждый пройдет по маршруту и прикинет варианты. В шесть – сбор, выработаем стратегию с учетом всех предложений. В одиннадцать ночи выступим.

– Оружие? – подал голос немногословный Кабанбай.

– Ждет в условленном месте.

– Кто проводник?

– Один из местных полицейских, специализируется на ловле торговцев наркотиками.

Члены группы переглянулись.

– Не нравится мне это, – покачал головой Рагозин. – Как правило, представители спецслужб в таких странах прикормлены мафией.

– По отзывам наших наводчиков, это надежный человек, он даже сотрудничает с Интерполом. А нам согласился помочь потому, что террористы когда-то убили его сестру.

– Он знает, кто мы и откуда?

– Обижаешь, снайпер, – пожурил Кабанбая майор.

– Все равно мне это не нравится, – проворчал Рагозин. – Чем меньше спецслужбы знают о наших операциях, тем лучше.

– Никто здесь не знает, откуда и кто мы. По легенде мы представляем собой интернациональную бригаду мстителей из Соединенных Штатов. Но хватит пререканий, начинаем работать.

В помещение неслышно прошмыгнул невысокий чернокожий африканец в красной рубашке и холщовых штанах, молча подал кассету.

– Знакомьтесь, господа, – сказал майор по-английски. – Наш проводник Тампуку.

Через несколько минут группа «Возмездие» смотрела видеозапись места проведения операции, сделанную скрытой видеокамерой.

* * *

Температура ночи в Антананариву в августе мало чем отличалась от температуры ночи и держалась на уровне двадцати пяти градусов по Цельсию.

Темнота упала на город сразу после восьми часов вечера, но гигантское торжище зума продолжало жить при свете фонарей, процеживая потоки покупателей как огромный, длинный, сверкающий огнями фильтр. С одной стороны, суета и жужжание базара мешали группе сосредоточиться на задании, с другой – помогали раствориться в толпе в любой момент.

Дом из бутового камня, в котором жил Басхадов, считавший, что уж здесь-то, в другом полушарии, его никто никогда не найдет, располагался на улице Индепенденс, ближе к вокзалу. Это был типичный двухэтажный «скворечник», архитектурно не отличавшийся от соседних домов, и назвать его особняком не поворачивался язык. Он был стар, стены кое-где потрескались и выщербились, краска поблекла и облупилась, однако в отличие от других «скворечни-

ков» он имел, во-первых, тарелку радиоантенны, а во-вторых, был окружен крепким тесовым забором высотой в два человеческих роста. Новый владелец, въехав сюда, прежде всего позаботился о максимальном ограничении доступа к своему жилищу, и денег для этого не пожалел.

Поскольку времени на подготовку у группы практически не было, плана действий не разрабатывали. В общем-то, все прекрасно знали друг друга, разбирались в ситуации и готовы были к любому повороту событий. В принципе штурм дома не являлся для них чем-то особенным, несмотря на то что стоял он не на территории родной страны, а на Мадагаскаре. В жизни группы случались и более сложные задания. Поэтому решено было действовать по принципу «воздушного ручейка»: просочиться за забор и без шума «проветрить» весь дом, оставляя за собой неподвижность и тишину. По данным целенаведения Сатану-Басхадова охраняли девять «джигитов», таких же отщепенцев и убийц, как и он сам, в свое время специализировавшихся на установке взрывных устройств в разных городах России. В живых оставлять их было бы неправильно. А вот женщин и слуг, насчитывающихся в количестве десяти человек, надо было пощадить, они ни в чем виноваты не были.

Снаряжение группы прибыло на остров еще два дня назад, по морю, и ждало десантников в одном из пакгаузов малагасийской столицы под видом «гуманитарной помощи». Получатель – «представитель немецкого посольства» – забрал его для передачи по адресу назначения, и вечером 17 августа группа уже имела оружие и костюмы для проведения операции.

Комбинезоны были доставлены бельгийского производства, легкие и удобные, с кевларовыми нашлепками на груди – напротив сердца и на животе. «Ночные» очки – английские. Ножи – немецкие. А вот огнестрельное оружие у каждого было свое, тоже иностранного производства, чтобы при случае неудачного стечения обстоятельств ни один след не указал на принадлежность десантников к секретной команде из России.

Командир группы имел американский пистолет-пулемет «ингрэм» с глушителем и арбалет опять-таки американской фирмы Horton – мощный «hunter», превосходящий по точности стрельбы большинство пистолетов-пулеметов.

Борислав Сичкарь выбрал себе итальянский пистолет-пулемет «спектр» М4 с механизмом боевого действия, позволяющим открыть огонь немедленно без проведения каких-либо предварительных манипуляций.

Дима Рагозин всегда выбирал оружие немецкой фирмы «Хеклер и Кох», поэтому он вооружился пистолетом-пулеметом MPSK с приспособлением для управления автоматическим огнем – фиксированные очереди по три выстрела – и с коробчатым магазином большой емкости – на сорок патронов. Специалист по взрывному делу, стрелял он не очень уверенно и предпочитал вести огонь небольшими очередями.

Арыстан Буркитович Кабанбай любил в основном снайперские винтовки и стрелял так, что не снилось и чемпионам мира по стрельбе. Однако в данном деле снайперские винтовки были бесполезны, и он взял еще один арбалет и чешский штурмовой пистолет «CZ75FA» для уничтожения живой силы при бое накоротке.

Светлов же при работе за рубежом предпочитал штурмовой пистолет «KF-9-AMP» с магазином на тридцать шесть патронов. Этот пистолет был разработан для сил специального назначения, действующих в джунглях и населенных пунктах, и был очень удобен и надежен. К тому же для повышения эффективности ему придавался спецкомплект: глушитель, ночной и оптический прицелы, дульный тормоз и локтевая кобура.

Так как дом Басхадова располагался практически в зоне зума, с улицы к нему подступиться было нельзя. Десантникам предстояло поодиночке проникнуть во двор с тыла, со стороны одного из ближайших базальтовых выступов, что осложняло задачу. Однако уже в половине двенадцатого все пять членов группы собрались у забора с южной стороны усадьбы, и операция началась.

С помощью звукового сканера Владимиров прослушал двор и определил места, где укрывались охранники. Их оказалось трое. Один бродил вдоль забора, изредка останавливаясь у ворот, зевал, бормотал что-то под нос и снова обходил двор по периметру. Двое других стерегли лестницу, ведущую на первый и второй этажи «скворечника». Они тоже передвигались по двору, курили, беседовали, окликали третьего стража, но больше времени все-таки проводили у лестницы. А так как территория двора, вымощенного квадратной плиткой, была невелика, снимать всех троих надо было одновременно.

Момента ждали около четверти часа, затаившись в тени забора и прислушиваясь к звукам не утихающего ночью базара. Затем майор подал сигнал, и двое десантников – Бай и Рагозин – бесшумно перемахнули через забор, заранее определив объекты воздействия. Не звянула ни одна металлическая деталь, не скрипнула доска забора, не прошелестела одежда. Для обученных и тренированных членов группы такой забор, высокий, но без колючей проволоки поверху, препятствием не являлся.

Владимиров встал на спину Сичкаря, выпрямился, вглядываясь в темноту двора через устройство ночного видения, навел арбалет. В тот момент, когда Рагозин и Кабанбай вырости перед охранниками у лестницы, он выстрелил.

Тихий щелчок тетивы. Толстая короткая³ стрела нашла голову охранника у ворот. Отброшенный ударом к колодцу, он упал и не поднялся.

Кабанбай разрядил свой арбалет, также целя в голову сторожа, и не промахнулся. Рагозин дал очередь из пистолета-пулемета, послышались тихие пок-пок-пок, и второй охранник растянулся рядом с напарником, не успев дотянуться до оружия.

– Пошли, – шепнул майор, первым перелезая через забор со спины Сичкаря.

За ним последовали оставшиеся члены группы.

В дом по лестнице первым бесшумно взбежал Светлов, обладавший исключительным чутьем и интуицией. За ним двинулись Рагозин, Кабанбай и Владимиров. Сичкарь должен был прикрывать их с тыла и следить за окнами дома со двора.

Перед дверью в дом Ростислав задержался на несколько мгновений, переходя в особое состояние рассредоточенного внимания, позволяющее чувствовать опасность. На груди вдруг сам собой шевельнулся амулет-бемихисатр. Показалось, что впереди разверзается черная пропасть.

Взмокла спина.

Он остановился, напрягая слух, поднял руку в перчатке без пальцев.

– Что? – выдохнул ему на ухо майор.

– Не знаю... – одними губами ответил Ростислав. – Чую угрозу... похоже, за нами наблюдают...

– Отходить поздно. Работаем!

Светлов толкнул дверь. Она со скрипом приотворилась. Из темного провала за дверью за порог выплеснулась волна запахов – от сигаретного дыма до запахов кожи, пота и еще каких-то специфических острых ароматов. Сквознячок опасности взъерошил волосы на затылке, протек вдоль позвоночника. Снова на груди шевельнулся купленный на базаре амулет. Но они уже пошли, и Светлов тенью скользнул за порог, включая свое внутреннее экстрасенсорное зрение, помогавшее ему обходиться без инфракрасной оптики.

Он оказался в небольшом квадратном помещении типа холла с двумя столбами посредине и пальмой, торчавшей из огромной кадки. Кроме пальмы по углам помещения располагались какие-то узкие и длинные сосуды в виде амфор. Два выхода вели из помещения в коридор первого этажа и в соседнее помещение, из которого на скрип входной двери выглянул какой-то человек в черной одежде.

³ Длина стрел боевых арбалетов, как правило, не превышает 508 мм.

Светлов выстрелил.

Человек отшатнулся, роняя из рук на пол что-то тяжелое и металлическое, упал. По всей видимости, это был пистолет.

Кабанбай, ворвавшийся в дом вслед за Ростиславом, метнулся к двери в помещение и выстрелил из арбалета. Послышался сдавленный вскрик, удар, стук падающего тела. Кто-то застонал. Бай скрылся в помещении, представлявшем собой, очевидно, комнату охраны, стон прекратился. Бай вынырнул в холл, молча показал два пальца.

Командир группы махнул рукой вперед, первым направляясь к выходу в коридор. Не теряя ни секунды, остальные двинулись за ним.

По данным добровольных осведомителей, которыми располагали десантники, спальня и гостиный зал Сатаны находились на втором этаже, на первом же размещались подсобные помещения: кухня, столовая и комнаты для охраны и прислуги. Поэтому после нейтрализации первой линии охраны группа разделилась. Кабанбай и Рагозин начали прочесывать первый этаж дома, чтобы исключить появление сюрпризов в виде проснувшихся и вооруженных охранников, майор и Ростислав поднялись на второй этаж. В их задачу входила ликвидация самого Басхадова. Но здесь им дорогу в коридор преградила металлическая решетка.

Светлов почувствовал укол холода в грудь – напротив лежащего в кармашке амулета, невольно потрогал его рукой. Бемихисатр явно давал сигнал тревоги. Уже не первый раз.

Ростислав прислушался к своим ощущениям. Из коридора тянуло ненавистью и угрозой, и отмахнуться от этих ощущений было нельзя. Майор почувствовал его состояние, тронул за плечо.

– Отойди... я пойду первым...

– Там засада! – беззвучно шевельнул губами Ростислав.

– Не может быть... нас бы предупредили...

Владимиров потрогал решетку пальцами, дернул на себя. В то же мгновение в коридоре вспыхнул свет, ослепив обоих десантников, а с первого этажа донеслись крики и выстрелы. Дальнейшие события разворачивались в течение десятка секунд, сразу изменив сценарий операции.

Светлов выстрелил в люстру на потолке и отпрянул к стене, чувствуя затылком ветер смерти. Это спасло его от длинной автоматной очереди, протянувшейся из глубины коридора, хотя одна пуля все же ужалила левую руку. Он ответил короткой очередью из пистолета, автомат умолк. Но рядом заплясали еще два злых огонька – стреляли из автоматических винтовок типа «штайр» или «энфилд» калибра 5,56 мм, которыми были вооружены все полицейские силы Мадагаскара. Это Ростислав знал точно.

Владимиров охнул, однако ответил из арбалета, затем из пистолета-пулемета, и стрельба в коридоре прекратилась.

– Отходим? – выдохнул Светлов, чувствуя текущий по руке горячий ручеек.

– Я вниз, к ребятам, ты доделывай дело...

– Нас ждали!

– Я уже понял. Кто-то предал... из местных...

– Тот сукин сын, из местного Интерпола.

– Потом выясним. Выбирайся по запасному варианту. Удачи!

Майор стиснул локоть Светлова и ссыпался вниз по лестнице на первый этаж, где разгорелся нешуточный бой.

Ростислав дотронулся до раненой руки, заставил себя забыть о ране и ударом ноги сорвал замок решетки, метнулся в коридор в перекате, открывая огонь в полете по двери слева.

Майор оказался прав. Засаду устроили местные полицейские, что говорило о сговоре Басхадова с блюстителями порядка. Он купил их всех, в том числе и сотрудника Интерпола, и мог не бояться появления на Мадагаскаре охотников за преступниками из России или жажду-

щих мести соотечественников из других родовых чеченских кланов, родственников которых он убил.

Действуя на пределе возможностей, Светлов промчался по коридору как призрак смерти, успевая находить цели раньше, чем они его (всего здесь их ждали девять человек, в том числе – двое телохранителей Сатаны), и ворвался в спальню Басхадова, где его встретили сам Сатана и последний оставшийся в живых телохранитель.

Бой с ними длился несколько мгновений.

У них были шлемы с устройствами ночного видения и автоматы.

Он имел пистолет и ориентировался в темноте с помощью внутреннего зрения, включавшегося в минуты наивысшего напряжения.

Они начали стрелять, как только Светлов выбил дверь и ласточкой нырнул через порог в комнату. Одна пуля попала в левую, уже раненую руку и раздробила локтевой сустав, вторая попала в левую ногу, пробивая колено. Однако прежде, чем потерять сознание от болевого шока, Светлов дважды нажал на курок. И Шамиль Басхадов, бандит и убийца, не умеющий в жизни ничего, кроме как стрелять в людей или перерезать глотки пленникам, и его звероподобный телохранитель умерли, получив по пуле в голову.

Что было дальше, Ростислав помнил смутно. Инстинкты бойца спецподразделения руководили им, и то и дело проваливаясь в беспамятство, он спустился на первый этаж здания, убедился, что двое товарищей мертвы, и каким-то чудом успел выбраться с территории владений Сатаны до подхода еще одного отряда полицейских.

В условленном месте на окраине Антананариву, на берегу реки Анказубе, он ждал членов группы еще сутки. Но пришел только майор Юра Владимиров, получивший пять пулевых ранений, к счастью, несмертельных. Вдвоем они добрались до города Андевуранте на берегу Индийского океана, где их ждало судно под египетским флагом. В Россию оба вернулись спустя две недели после провала операции на Мадагаскаре. Так посчитали руководители группы в секретных кабинетах Главного разведуправления. Да, группа ликвидировала террориста, но и сама потеряла больше половины состава. Это был провал. То, что ее предали, не имело значения. Лишь много позже уцелевшие в операции узнали, что предали их свои же: один из чиновников связи получил за это крупную сумму денег. Его в конце концов вычислили, но погибшим членам группы, а также оставшимся в живых майору Владимирову и капитану Светлову это уже помочь ничем не могло.

О том, что он уволен, Ростислав узнал уже после госпиталя, в котором провалялся почти полгода. Однако вернуть подвижность левой руки и ноги врачи ему так и не смогли. С тех пор он ходил, раскачиваясь, как моряк на суше, подволакивая прямую левую ногу, не гнущуюся в простреленном колене, и прятал тоже не сгибавшуюся в локте, усохшую левую руку от любопытных взглядов...

Зазвонил будильник.

Ростислав вздрогнул и выбрался из-под одеяла. Пора было собираться на работу.

ГЛАВА 2

Его оперативный опыт оказался невостребованным.

Несмотря на поддержку майора, впоследствии также ушедшего в отставку в звании полковника, Светлова в армии не оставили даже в качестве инструктора по выживанию в экстремальных условиях. Впрочем, Ростислав сам не хотел служить в этом качестве, считая, что инвалиду в спецназе делать нечего. Спустя год после возвращения с Мадагаскара он устроился охранником в одной из коммерческих фирм Калуги, но проработал в фирме всего два года и уволился, когда от сердечного приступа внезапно умерла мама. После нее остался дом в деревне Илейкино Старицкого района Калужской губернии, и Ростислав переехал на родину, где у него еще оставались две тетки по маминной линии – Анна Ивановна и Прасковья Филипповна.

Несколько лет он пытался фермерствовать, выращивая картошку, фасоль, лук, продавал овощи на рынке, но конкуренции настоящих фермеров не выдержал и в конце концов устроился сторожем в колхозе «Новый путь», что позволяло ему сводить концы с концами, не вкалывая с утра до ночи на приусадебном участке. Сторожа, конечно, платили мало, однако Ростислав получал военную пенсию по инвалидности, и ему хватало.

Жил он один. Женщины, готовые принять его в семью, находились, но Светлов, во-первых, не хотел, чтобы его принимали из сострадания, будучи твердо уверенным, что жениться надо по любви, а во-вторых, исповедовал принцип: не создавай себе чужих проблем.

К тридцати восьми годам он отрастил бороду, усы, длинные волосы до плеч, в которых серебрилась седина, и теперь смахивал на священника без рясы. Он стал горбиться, все еще стеснялся хромоты и на людях показываться не любил. В последние годы пристрастился к чтению эзотерической литературы и раз в месяц ехал либо в Калугу, либо в Москву, чтобы покопаться в книжных развалах и приобрести очередную партию брошюр и философских трудов знаменитых и вовсе неизвестных исследователей русской истории.

На вопросы приятелей, с которыми он изредка встречался: как жизнь? – Ростислав отвечал с мягкой улыбкой:

– Спасибо, не жалуется...

Он действительно ни о чем не жалел и ни на что не жаловался, трезво оценивая свое положение. Если бы он не был инвалидом, попытался бы, наверное, изменить судьбу, так как был трудолюбивым и упорным. Как говорил его старый друг Рома Новиков: чтобы стать богатым, необходимы три вещи: ум, талант и много денег. В свое время Ростислав по собственной оценке разве что не имел много денег, остальное было при нем. Теперь же он понимал, что богатство – далеко не самая важная вещь на свете и что, даже не имея много денег, можно вполне комфортно жить и чувствовать себя человеком.

В молодые годы Светлова не зря называли талантливым бойцом, мастером рукопашного боя. Он свободно мог бы тренировать не только юношей, но и бойцов спецназа, однако с потерей руки и ноги этой возможности лишился. К тридцати шести годам он увлекся составлением панно из разных пород дерева и добился удивительных результатов. Некоторые из его деревянных картин экспонировались на выставках народного творчества не только в России, но и за рубежом, а последние работы охотно покупали знатоки и ценители этого вида искусства.

Слава о стороже-художнике, живущем в глубинке Калужской губернии, дошла и до столицы. К Светлову приезжали из художественного института имени Сурикова и Академии народных ремесел с предложением возглавить студию и даже школу самодеятельного творчества. Но дальше разговоров дело не пошло. Предполагалось, что инициаторы создания студии и школы должны стать учредителями и получать прибыль, а работать на чужого дядю Светлов не собирался. У него самого давно зрела мысль организовать студию в селе – бесплатно, для

ребят и девочек, желающих заниматься разными видами художественного творчества. Не хватало лишь средств на строительство мастерской.

В колхозе Светлова уважали за прямоту и честность. Неизбывная тяга халявщиков и люмпенов к воровству, воспитанная еще при советской власти (все вокруг народное, все вокруг мое), не исчезла и в новые российские времена. Тащили все, что плохо лежит, затем все, что можно продать. Работники колхоза «Новый путь» ничем не отличались в этом вопросе от своих соседей, считая, что имеют право красть «свое» добро. Поэтому, когда на принадлежащей колхозу мебельной фабрике появился новый сторож, никого это особенно не удивило. Зато первые же «несуны» почувствовали на собственном хребте, что такое непьющий и честный сторож, владеющий к тому же какими-то хитрыми приемами борьбы и способный справиться с десятком мужиков оптом.

Светлова пытались увещевать, уговаривать, спаивать, предлагали деньги и вещи, затем стали угрожать. Дело дошло до стычек с мужиками, из которых Ростислав выходил цел и невредим, и даже до попыток подстрелить его в лесу или возле дома. Пытались даже поджечь усадьбу. Однако и эти методы воздействия на строптивца не дали желаемого результата. Светлов отбивался молча и спокойно, в милицию о нападениях и поджогах не заявлял, продолжал нести службу с тем же тщанием, и от него отступились.

Взрослые зауважали, дети же давно не боялись и любили Монаха, как его прозвали в деревне, часто навещали его дом-мастерскую и, затаив дыхание, наблюдали, как из кусочков дерева с разным рисунком возникает красивый лесной пейзаж, либо море, либо фантастический зверь.

Детей Светлов любил и никогда не прогонял. Ему нравилось исподтишка наблюдать за ними, слушать их тихий щебет, смех и возгласы. Во-первых, в такие моменты одиночество отступало, а он сам становился как бы главой семьи. Во-вторых, энергия детей заряжала и заставляла работать на вдохновении, что, естественно, сказывалось на качестве картин. Они у него получались чуть ли не живыми.

Больше всего Ростиславу было по душе присутствие соседского мальчишки, который появился в деревне в середине лета. Мальчишку звали Будимиром (сверстники чаще называли его Димкой), недавно ему исполнилось двенадцать лет, был он высокий, худенький, тихий, с удивительно нежным лицом и ясными зеленоватыми глазами, в которых изредка вспыхивали искорки мудрого, совсем не детского понимания жизни. Улыбался он редко, но если уж доводилось увидеть улыбку парня, казалось – начинал улыбаться мир вокруг.

Ростислав дважды беседовал с ним о том о сем и каждый раз вдруг начинал чувствовать себя робким несмышленищем, познающим азы жизни, а Будимира-Димку – умудренным опытом старцем, прожившим на свете не одну сотню лет. При этом мальчик продолжал оставаться самим собой, любил играть с детьми, выделяясь резвостью и быстротой реакции, а также слушать разные истории и смотреть на огонь камина.

Нравилось ему и следить за пальцами Светлова, укладывающими кусочки дерева в мозаику картины. Однажды он даже подсказал Ростиславу, какой нужно сделать распил на деревянной дощечке, чтобы получился нужный рисунок, и этим и вовсе расположил к себе бывшего рэкса по кличке Росс.

Светлов не один раз порывался расспросить парнишку, кто его родители и где он живет, но все как-то не получалось. Знал только, что за ним присматривает какой-то невысокого роста мужчина, похожий на японца. Будимир называл его дядей Толей. Однако познакомиться с ним пока не выпадал случай.

В субботу 25 августа Ростислав сдал дежурство сменщику и направился домой на мопеде. Это был его единственный, но весьма надежный вид транспорта.

Утро выдалось тихое, ласковое и солнечное, хотя довольно прохладное. Впереди Ростислава ждал отдых, творческий поиск и приятное чтение: он недавно приобрел книжку Трех-

хлебова «Кошуну Финиста», – поэтому настроение складывалось хорошее, под стать утру. Дома он облился холодной водой во дворе, позавтракал и сел в светлице перед телевизором с книгой в руках.

По третьей российской программе передавали новости.

Несколько сообщений заинтересовали Ростислава.

О первом возвращении с Марса автоматического корабля с образцами грунта.

О запуске под лед Европы – спутника Юпитера – космического робота.

О дебатах в Евросоюзе о закрытии традиционных электростанций в связи с созданием «вакуум-квантовых насосов», качающих энергию прямо из вакуума.

Об открытии регулярных рейсов вокруг Земли первого орбитального самолета «Енисей», созданного в России.

О регулярном посещении двух космических станций – международной «Альфы» и российского «Байкала» – состоятельными космотуристами.

О китайской программе полетов на Луну и к другим планетам. Китайцы действовали последовательно и готовились к запуску собственной орбитальной станции «Великий поход».

Последняя новость была трагической: в Корее произошел случайный взрыв атомной бомбы, унесший жизни более сорока тысяч человек.

Светлов выключил телевизор, посидел в кресле, машинально поглаживая пальцем свой давний амулет – малагасийского божка бемихисатра, которого он называл Михой, и вдруг почувствовал беспокойство. Лупоглазый человечек под пальцами, казалось, ожил и поежился.

Ростислав прислушался к звукам, доносившимся в дом с улицы, выглянул в окно.

Напротив через улицу жила семья переселенцев Хосроевых из Ингушетии в количестве семи человек: старший Хосроев – Амид, в возрасте семидесяти лет, его жена, средний Хосроев – сорокалетний Нурид, его жена Фатима и трое детей, старшему из которых исполнилось пятнадцать лет. Светлов хорошо знал эту семью и недобрых чувств к ним не питал, несмотря на прошлые стычки с «лицами кавказской национальности» на территории Чечни, Ингушетии, Дагестана и за пределами России вообще. Хосроевы жили тихо, мирно и к соседям относились уважительно.

У дома он увидел машину дорожно-патрульной службы с мигалкой и потрепанный «уазик» с синей полосой по борту. Из «уазика» выскочили четверо крепких парней в форме спецназа, с автоматами в руках, в масках, и бросились в дом Хосроевых, одним ударом сломав калитку. Навстречу им попала старуха с тазом в руках, ее оттолкнули в сторону, женщина выронила таз с бельем и упала. Затем послышались крики, треск мебели, звон стекла, удары, и спецназовцы выволокли из дома Нурида Хосроева и его пятнадцатилетнего сына. У парня шла из носа кровь, а у его отца багровела под глазом здоровая опухоль. Мать парня с воплями и причитаниями бросалась к мужу и сыну, но ее отталкивали, пока спецназовец по знаку мужчины в штатском, вылезшего из милицейской «Самары», не ударил ее по лицу.

Светлов больше не колебался, вышел на улицу.

– Эй, богатыри, – окликнул он спецназовцев, волокущих соседей к машинам. – Может, не стоит столь радикально обходиться с людьми? А тем более с женщинами? Они-то в чем провинились?

Мужчина в штатском костюме, средних лет, с одутловатым бледным лицом и глазами навывкате, оглядел его с ног до головы, кивнул кому-то:

– Обыскать!

Из «уазика» выпростался еще один здоровяк в камуфляже, двинулся вразвалку к Светлову, демонстративно положив руку на ствол автомата.

– Руки на затылок! Повернись!

Люди делятся на носителей культуры и недоносков, вспомнил Ростислав чье-то изречение. Усмехнулся в усы, покосившись на бугая с автоматом, сказал, обращаясь к руководителю акции:

– А за пивом не сбегать?

– Чего?! – не понял тот.

– Надеюсь, документы на обыск у вас имеются, гражданин хороший? На дворе двадцать первый век, время зачисток миновало.

Спецназовец коротко ударил его кулаком в подбородок... и провалился вперед, сделав два шага по инерции и улегшись лицом в дорожную пыль.

Его сослуживцы, волокущие избитых ингушей, остановились.

Стало тихо.

Ростислав, прихрамывая, отмахиваясь прямой ссохшейся рукой, перешел улицу.

– Не желаете объяснить народу, что происходит, милостивый государь?

Одудловатый командир спецназа опомнился, сверкнул глазами.

– Взять его!

Двое верзил отпустили старшего Хосроева, бросились на Светлова и один за другим отлетели к забору, едва не сломав штакетник, тяжело рухнули на дорогу.

Глаза мужчины в штатском сузились. Он сунул руку за борт пиджака, сделал шаг вперед.

– Ты на кого руку поднял, хромой?! Я ж тебя!..

– Не пугай, губошлеп, – махнул здоровой рукой Ростислав. – Я и хромой из тебя говядину сделаю. Чем провинились эти люди? За что вы с ними так грубо?

– Застрелю, падла! – выдохнул спецназовец, державший младшего Хосроева. – Мордой в землю, быстро!

Светлов покосился на него, с печальной снисходительностью качнул головой.

– Классные кадры готовятся на родине моей. Давай стреляй, засранец, только потом ведь не отмоешься.

Командир группы дернул щекой, посмотрел на своего подчиненного.

– Подожди, сержант. – Повернул голову к Светлову. – Кто ты такой, инвалид? Документы есть?

– Зайдешь по-хорошему в дом – покажу. Капитан Светлов, рэкс ГРУ. Бывший, разумеется. Ну, а теперь и ты представься по форме.

Одудловатый несколько остыл, махнул рукой своим подчиненным, намеревавшимся довести дело до конца – скрутить обидчика и поломать ему парочку ребер.

– Капитан Корецкий, Калужский ОМОН. Эти люди обвиняются в краже, так что не вмешивайся, рэкс, тебе же дороже обойдется.

– Кто их обвиняет в краже?

– Местные жители. У твоих соседей пропали настенные часы, швейная машинка и десять метров полиэтиленовой пленки.

– Это у кого пропали? Не у Коли Бережного случайно? Он же алкоголик, тянет из дома, что попадется, продает и пропивает.

– Я ему сейчас!.. – рванулся к Светлову омовец, которого он уронил самым первым.

Ростислав не двинулся с места, обманчиво расслабленный с виду и угрюмо спокойный.

– Отставить, Лукьяненко! – буркнул командир ОМОНа, посмотрел на ингушей, на их зареванных женщин, на Светлова. – Ты ручаешься, что они не воровали? У меня санкция прокурора.

Ростислав помолчал, решая, стоит ли рисковать, давать слово, за которое придется потом отвечать. Вспомнил ликвидацию Сатаны-Басхадова и других чеченских, ингушских, дагестанских и арабских бандитов, хотел было отказаться, но встретил тоскливо-обреченный взгляд Хосроева и неожиданно для себя самого проговорил:

- Ручаюсь. Им нет смысла воровать, на них же первых и укажут.
- Вот и указали. Смотри, капитан, с тебя спрошу, если что выяснится.

Капитан Корецкий махнул омовцам:

- Отпустите их. Поехали.

Парни в камуфляже отпустили мужчин, полезли в «уазик», с угрозой поглядывая на Светлова. Машины уехали. Женщины с плачем кинулись к мужу и сыну, запричитали. Нурид Хосроев освободился от их объятий, фыкнул, чтобы замолчали, подошел к Ростиславу.

- Спасибо, брат! Век не забуду. Зайди, угощу вином.

– Как-нибудь в другой раз, – пообещал Светлов, поворачиваясь к нему спиной, и вдруг поймал чей-то внимательный взгляд. Повернул голову. На него поверх штaketника смотрел с территории соседской усадьбы воспитатель Будимира, японец «дядя Толя». Кивнул. Светлов кивнул в ответ и зашел в дом.

На душе скребли кошки, хорошее настроение улетучилось. Из головы не шла мысль, что он что-то забыл или упустил из виду. Походив по светлице, Ростислав умылся, смывая водой отрицательную энергетику, подсел к столу и занялся работой. На носу была выставка художественных ремесел в Калуге, и он торопился закончить большое панно с лунным пейзажем.

Кто-то робко постучался в дверь.

- Войдите, – крикнул Светлов.

В светлицу проскользнул светлоголовый соседский мальчишка Будимир, остановился у порога. Глаза его светились изнутри как у кошки, и Ростислав поежился, встретив исполненный странной силы и теплоты взгляд парнишки.

- Можно, дядя Слава?

- Проходи, не стесняйся. Я думал, ты еще спишь, лето ведь, каникулы.

– Не-е, я рано встаю. Мама говорит: кто рано встает, тому бог подает. Можно, я с вами посижу?

- Дома не обижают? Какой-то ты сегодня печальный.

Будимир несмело улыбнулся, качнул головой.

- Меня никто не обижает.

Светлов вспомнил странно задумчивый взгляд японца, наблюдавшего за ним во время утреннего инцидента с омовцами.

- А этот твой дядя Толя? Хорошо к тебе относится?

- Очень, – убежденно сказал Будимир. – Как папа.

- Значит, отца у тебя нет?

– Почему, есть, он живет в Москве с мамой. Дядя Толя его друг, мой наставник и учитель, он очень много знает и хорошо дерется. Лучше всех.

- Почему же он тогда не вмешался, когда приезжали омовцы?

– Не знаю, мы вышли, когда вы уже с ними... – Будимир с улыбкой пошевелил пальцами. – Вы тоже здорово деретесь, дядя Слава. А что такое рэкс?

- Это жаргонное словечко, аббревиатура слов «разведчик экстра-класса».

Глаза мальчишки загорелись.

– Вы разведчик? Я так и думал. Вы сильный – внутри, я это чувствую. Расскажите, где вы служили.

– Потом когда-нибудь, – пробормотал Ростислав, смущенный оценкой парня. – Значит, твой дядя Толя мастер по рукопашному бою?

- О да, и очень искусный. Почти как папа. Они еще умеют биться на мечях.

- Даже так? Понятно. Очевидно, они служили вместе в каком-то спецназе.

– Нет, не служили, они просто друзья. Папа у меня вообще-то бывший танцор, сейчас ведет мастер-класс в танцевальной академии. А дядя Толя работает в охранным агентстве.

Ростислав с интересом посмотрел на мальчика.

– Отец танцор? Любопытно. И в то же время он боец... Как это сочетается?

Будимир пожал плечами.

– Приходите к нам в гости, дядя Толя расскажет. А вот тут вы слишком светлую дощечку положили, нужна чуть потемней.

Он поискал среди разложенных на столе кусочков дерева дощечку с нужным рисунком и протянул Светлову.

Тот присмотрелся, кивнул, понимая, что мальчик прав. Погладил гостя по голове и получил при этом нечто вроде тихого и приятного электрического разряда, от которого по спине побежали мурашки, а в нагрудном кармане рубашки сам собой шевельнулся амулет Миха.

ГЛАВА 3

В воскресенье он поехал в Калугу на книжный рынок.

Конечно, этот рынок, занимавший часть центрального городского рынка недалеко от вокзала, не шел в сравнение с московским, располагавшимся в Олимпийском дворце спорта у метро «Проспект Мира», однако и здесь можно было купить новинки издательств, специализирующихся на эзотерической и научной литературе, и покопаться в развалах старых книг советского периода.

Пробродив по рынку полтора часа, Ростислав приобрел у какого-то старика бомжеватого вида семитомник Михайла Ломоносова, который давно искал из-за главных трудов ученого – «Риторика» и «Грамматика», а также купил новую книгу Асова о предках русов – гиперборейцах. Довольный, он вышел на площадь Старый Торг, подошел к музыкальному киоску, сунул голову в окошко и попросил продавщицу подыскать записи старинных романсов. В это время кто-то бесцеремонно оттолкнул его от окна, так что Светлов едва не стукнулся щекой о раму.

– Отойди, старый.

Ростислав с удивлением глянул на бритоголового бугая с мясистым складчатым затылком, заросшего многодневной щетиной, в грязных джинсах, обтягивающих толстые ляжки, и в майке. Бугай сунул голову в окно киоска, не обращая на него никакого внимания, будто Ростислава не существовало.

– Эй, торговля, дай-ка мне последний хит этой пигалицы николаевской, как ее там... Катьки.

Продавщица смерила его взглядом.

– Я подбираю товар покупателю.

– Старый подождет, – небрежно бросил бугай. – Тащи Катьку, быстро, я спешу.

– Спешить можно, – тихо проговорил Ростислав, покосившись на второго верзилу, спутника бугая. – Хамить нельзя.

– Чо ты вякнул?! – выдернул голову из окошка бритоголовый. – По морде захотел?!

Ростислав спокойно отодвинул здоровяка, наклонился к окошку.

– Подыскали?

– Да, конечно, у нас есть две кассеты с концертами Захаренкова и Меладзе, возьмете? – предложила продавщица.

– Ах ты, курва патлатая! – Бугай ударил Светлова кулаком по затылку... и, тихо икнув, осел на тротуар с остекленевшими глазами.

Ростислав как ни в чем не бывало протянул в окошко деньги, взял кассеты, мельком посмотрел на осоловевшего молодого человека и пошел к автобусной остановке. Спутник бритоголового ошалело глянул на него, опустил на корточки перед приятелем.

– Ты чо, Утюг? Что с тобой?

– Ос-станови й-ехо... – прохрипел бугай, держась за горло. – Коз-зла с-старого...

Верзила догнал Светлова, рванул за плечо и замер, увидев перед собой сияющие ледяной синью глаза хромого «старика». Руку больно сдавили железные пальцы.

– Не шали, оглобля, – сказал Ростислав почти ласково, – покусаю. Возвращайся к дружку и передай, что хамов терпеть не могу! А будет предъявлять претензии – сделаю калекой.

Он отпустил побелевшего парня и снова неторопливо побрел через площадь, с грустью подумав, что началась какая-то неприятная полоса в жизни. Позавчера на фабрику снова заявились воры, которых пришлось крепко поучить. Вчера случился конфликт с ОМОНОм. Сегодняшняя стычка с бритоголовым наглецом явно продолжала цепочку инцидентов и укладывалась в какую-то нехорошую систему. Следовало задуматься над этим и попытаться поменять образ жизни, вернуть размеренное течение бытия.

В кармане «вздохнул» Миха. Ростислав замедлил шаг, боковым зрением отметил чей-то острый взгляд, повернул голову и в человеке, сидевшем на месте водителя старенькой «Ауди», узнал того самого японца, которого соседский мальчишка называл дядей Толей и своим наставником.

Японец кивнул. Ростислав ответил кивком, чувствуя неопределенную досаду, будто его застали за неблагоприятным занятием.

Японец приоткрыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

– Присаживайтесь, подвезу.

Светлов остановился.

– Мне далеко, в Илейкино.

Мимо проковыляла пара верзил, с которой у Светлова произошел инцидент у музыкального киоска, но останавливаться и качать права не рискнула. Ростислав перехватил взгляд японца, нахмурил брови. Тот усмехнулся.

– Хорошо, если ваш урок пойдет им на пользу.

– Не одобряете? – буркнул Ростислав.

– Почему же, одобряю. Добро должно побеждать зло, хотя бы и его оружием. Садитесь, Ростислав Степанович, у нас к вам имеется серьезный разговор.

– У кого это – у вас?

– У меня и у моего друга, отца Будимира, Никиты Сухова. Он ждет нас недалеко отсюда, в ресторане «Ока».

Ростислав угрюмо поднял бровь.

– Вы что же, следите за мной? Откуда вы знаете, что я в Калуге?

– Мы все объясним.

Ростислав машинально потрогал кармашек, в котором обитал малагасийский амулет Миха, оглядел площадь, бросил на заднее сиденье сумку с книгами и без особого желания сел в машину. Миха в кармане сделался вдруг холодным, как бы предупреждая хозяина о чем-то.

Сжалось сердце. Мысль, пришедшая в голову, была пугающе простой: его нашли те, с кем он когда-то воевал! Но у водителя было такое спокойное, располагающее лицо, что Ростислав посмотрел на него и с облегчением расслабился. Этот человек был опасен, но не для него.

– Меня зовут Тоява Оямович Такэда, – сказал японец, словно почуввав колебания пассажира. – Но все зовут меня Толей, и я привык.

– Будимир рассказывал мне о вас, – кивнул Ростислав. – Он иногда забегает ко мне, интересуется, чем я занимаюсь. Удивительный пацан! Хороший глазомер, чувство гармонии, чувство прекрасного... Из него может выйти великолепный художник.

– Да, парень он удивительный, – проговорил Такэда с какой-то странной интонацией.

– В каком он классе учится? – Ростислав отметил эту интонацию, но заострять на ней внимание не стал.

– Димка учится в гимназии с лингвистическим уклоном, в девятом.

– Как в девятом? – не поверил Светлов. – Ему же на вид всего лет двенадцать...

– Двенадцать, но он в год успевает пройти программу двух классов. Учеба дается ему легко. Он мог бы вообще закончить гимназию года за три, да это никому не нужно.

Ростислав хмыкнул.

– Феноменальные способности! Я почему-то был уверен, что он знает больше, чем можно судить по внешнему виду.

Такэда промолчал.

«Ауди» свернула на улицу Ленина, остановилась у ресторана «Ока», расположенного напротив Калужского областного художественного музея. Водитель и пассажир вышли. Ростислав потянулся за сумкой с книгами, но Такэда остановил его:

– Оставьте в машине, после беседы я отвезу вас в деревню. Судя по объему, вы сегодня приобрели солидное собрание сочинений, нет?

– Вы догадливы, – сухо сказал Светлов. – В последнее время я пристрастился к чтению, могу позволить себе приобрести то, что нравится. Литература – самое гуманное средство ухода из жизни, знаете ли.

– В другую жизнь, – наметил улыбку японец. – Я вас понимаю. Хотя юному поколению мы, наверное, кажемся старомодными. Сейчас все повально увлечены компьютерным уходом из жизни, что чревато весьма негативными последствиями.

Один за другим они вошли в ресторан и направились к столику у окна, за которым сидел спортивного телосложения мускулистый мужчина: развернутые плечи, красивая гордая посадка головы, шапка русых волос, волевое лицо, пронзительные желтые глаза, твердые губы. Он был очень похож на Будимира, и Ростислав сразу понял, что это и есть отец мальчика.

– Знакомьтесь, – сказал Такэда. – Никита Будимирович Сухов, Ростислав Степанович Светлов. Кличка Росс.

Ростислав внутренне вздрогнул, подавая руку Сухову. О том, что он рэкс из спецкоманды «Возмездие» по кличке Росс, знали единицы. Да и времени с той поры утекло достаточно, многое успело забыться, многое изменилось или обесценилось. И тем не менее японец знал, кем он был в прошлом.

Рука Никиты Сухова оказалась сухой и сильной. Они сжали ладони до боли, пробуя силу друг друга. По губам Сухова скользнула мгновенная усмешка, он первым ослабил хватку, кивнул.

– Наслышан.

– Зато я ничего о вас не знаю, – проворчал Ростислав. – Хотелось бы узнать, кто та зараза, что сдала меня вам.

Такэда и Сухов переглянулись с одинаковыми едва заметными улыбками.

– Присядем?

Они сели.

– Сейчас объясню, – сказал Такэда. – Обедать будете? Давайте закажем и начнем беседу. Светлов заколебался.

– Обед за наш счет, – тонко понял его колебания Сухов. – Не беспокойтесь, мы можем позволить себе угостить приятного во всех отношениях человека.

Светлов порозовел, пригладил бороду, пытаясь скрыть смущение.

– Я сам в состоянии заплатить за обед.

– Без проблем, – кивнул Сухов.

Они заказали грибы в сметанном соусе, рыбу, суп с клецками, тушеные овощи, и оказалось, что все трое не едят мяса. Принялись за еду. Такэда съел первое блюдо быстрее всех и отложил ложку.

– Итак, Ростислав Степанович, пока вы будете есть, я буду рассказывать. Не перебивайте, каким бы сказочным мое повествование ни казалось. Обещаю ответить на все вопросы после рассказа.

– Откуда вы знаете, что я... Росс? Только не говорите, что узнали в милиции.

Такэда и Сухов снова обменялись мгновенными взглядами, прекрасно понимая друг друга.

– Разумеется, не в милиции, – сказал японец. – Не могу утверждать, что мы знаем о вас все, но кое-какие сведения имеем. Во всяком случае, о вашей службе в группе «В» и о том, как вы стали инвалидом.

– От кого? – глухо спросил Ростислав.

– От полковника в отставке Юрия Трофимовича Владимирова.

Светлов с недоверием глянул на невозмутимое лицо собеседника.

– Вы знакомы с Владимировым?

– Мир тесен, – улыбнулся Сухов. – Полковник сейчас работает в Совете ветеранов спецслужб, в Москве, Толя случайно встретился с ним по некоторым общим делам, он служит в охране важных персон, так они и познакомились.

– Понятно, – успокоился Ростислав, тряхнул головой. – Ничего не понятно! Зачем я вам понадобился? Юрок мой одногодок, но жив-здоров, да и опер отличный. Зачем вы разыскали именно меня?

– Прошу прощения, Ростислав Степанович, но уж так получилось. – Сухов отодвинул тарелку, промокнул губы салфеткой. – Нам нужен был человек, способный постоять за себя и защитить невинного и при этом не выделяющийся из толпы. Выбор пал на вас.

– Я калека...

– Я видел вас в деле, – без улыбки сказал Такэда. – Вы мастер боя, несмотря на известные физические... э-э, ограничения. К тому же они вполне устранимы. Но на первых порах никто не примет вас всерьез: хромой, да еще с покалеченной рукой... никому в голову не придет, что ваши кондиции позволяют вам отбиться не только от толпы мужиков, но и от специально тренированных бойцов. Не так ли?

– Ну-у... в общем-то... – пробормотал сбитый с толку Ростислав. – Я не понимаю... вы хотите предложить мне работу?

– Мы надеемся, что вы вольетесь в нашу команду и поможете спасти... м-м... – Такэда посмотрел на друга с неким колебанием.

– Кого? – поинтересовался Светлов. – Заложника?

– В принципе где-то вы недалеко...

– Двух, трех? Женщин, детей?

– Давайте все-таки по порядку. Но сначала ответьте на пару вопросов, если не возражаете.

– Валяйте.

– Как вы относитесь к мифам и легендам?

– Что? К мифам? – удивился Ростислав, не ожидая такого вопроса. – Положительно отношусь, в смысле – читаю с удовольствием. Некоторые мифы и легенды основаны на реальных событиях и могли бы изменить взгляды на человеческую историю, если к ним отнестись серьезно.

Собеседники напротив вновь обменялись взглядами.

– Очень хорошо, Ростислав Степанович.

– Зовите меня просто Слава, мы, по-моему, одного возраста.

– Тогда и мы для вас Толя и Ник, идет? Еще вопрос: как вы относитесь к мистике и колдовству?

Ростислав не выдержал, засмеялся.

– Ох и вопросы вы задаете, мужики, прямо на засыпку. Не знаю даже, как отвечать.

– А вы воспринимайте их отвлеченно, в качестве некоего теста. О колдовстве у нас речь пойдет и дальше, и нам бы хотелось знать ваше мнение, верите вы в него или нет.

Светлов стал серьезным, покачал головой.

– Странные вопросы... странные намеки... а люди вы с виду степенные, серьезные. Что ж, тест так тест. Я считаю, что колдуны, ведьмы и волшебники на Земле существуют и поныне, только не афишируют свою деятельность в отличие от шарлатанов-экстрасенсов, магистров черной и белой магии и целителей-недоучек. Сам я с ними не встречался, но истории всякие слышал. Мой дед, к примеру, утверждал, что знал одного самого настоящего волхва, который и доселе, наверное, живет в Тульской губернии. Это, пожалуй, все, что я могу сказать о колдунах. Надеюсь, мой ответ вас не разочаровал?

– Ни в коей мере, все верно. Еще вопрос. Вы владеете кэндо?

Ростислав озадаченно поправил волосы на виске.

– Вы имеете в виду рубку на мечях?

– Точно так.

– В пределах необходимого. Хотя против настоящего мастера не выстою.

– Это поправимо, главное, что вам не надо будет начинать с азов. И последний вопрос: что вы знаете о Веере Миров?

– О Веере? – Ростислав недоуменно поднял брови. – Может быть, о Розе Мира? Вы имеете в виду книгу Даниила Андреева?

– Мы имеем в виду объективно существующую структуру Мироздания. Лет двенадцать-тринадцать назад она имела вид своеобразного «веера», каждая пластина-хрон которого была сдвинута относительно соседней на определенный временной угол, на хроноквант. Теперь Веер превратился в «пенный конгломерат» Миров, проваливающиеся друг в друга. Мы называем его Фракталом Миров. Вам предстоит задача спасти этот «пенный» Фрактал... если вы, конечно, согласитесь.

– Ни много ни мало, – развеселился Светлов, ожидая, что Такэда переведет разговор в шутку. – Раз плюнуть!

Собеседники посмотрели на него оценивающе, с одинаковым терпением, и Ростислав почувствовал себя неуютно.

– Ни много ни мало, – тихо повторил Такэда. – Но раз плюнуть не получится. А теперь послушайте историю Пути одного человека, волею судьбы ставшего магом в наше время. Если поверите и согласитесь помочь, тогда мы начнем...

– Толя, ты слишком многословен, – скривил губы Никита Сухов.

– Извини, волнуюсь, – сказал японец невозмутимо.

Ростислав понял, что услышит сейчас нечто необычайное, не укладывающееся в рамки обыденного течения жизни, и попытался унять поднявшееся в душе волнение. Такэда посмотрел на него своими узкими, словно прицеливающимися глазами и начал рассказывать историю Посланника. Сухов не мешал ему, лишь изредка вскидывал на Ростислава взгляд, проверяя, как он воспринимает те или иные детали рассказа, и вставлял короткие реплики.

Сначала Ростислав слушал рассказ Такэды с изрядной долей скепсиса, как литературное сочинение, не имеющее ничего общего с реальными событиями. Потом увлекся и не заметил, как начал сопереживать и ждать развязки. Когда Такэда закончил повесть жизни Никиты Сухова битвой Семерых магов с Люцифером, Ростислав выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы, разжал кулаки, постарался успокоить сердце и обвел глазами ждущие сосредоточенные лица собеседников.

– Это все... правда? Все так и было?

– Правда, – кивнул Сухов без улыбки.

– Но тогда... все-таки... зачем вам понадобился именно я? Обыкновенный человек, да еще инвалид. Вы же... маг! Один из Семи... в ваших силах обойтись без...

– Во-первых, я уже давно не маг, – спокойно возразил Сухов. – Перед вами только физическая оболочка, чисто человеческое тело, так сказать, носитель силы. Сухов-маг ушел, и никто не знает, где он сейчас, в том числе и я. Во-вторых, мир изменился радикально, хотя далеко не все это замечают, даже видящие. Веер Миров действительно превратился во фрактальную «мыльную пену», пузырьки которой постепенно тают, проникают друг в друга, сливаются из-за спонтанного исчезновения потенциальных «стенок» между пузырьками-хронами «пены». Этот процесс надо остановить, иначе Вселенная схлопнется сама в себя, превратится в Кладбище Миров, в часть Суфэтха – Сферы Хаоса. Но и это еще не все. Необходимо остановить последнего уцелевшего Великого игву Уицраора, который вознамерился протянуть Мост-тоннель через Суфэтх и освободить своего господина, выброшенного Волей Семерых за пределы Веера. Если Мост будет создан, наше Мироздание превратится в полигон для таких дьяволь-

ских экспериментов, по сравнению с которыми нынешние человеческие фантазии покажутся пустяковыми и смешными.

Ростислав покатал пальцем шарик из салфетки, сказал ровным голосом, ни на кого не глядя:

– Вы считаете, что я справлюсь... с обузданием этого вашего... Уицраора?

– Вы один – нет, – покачал головой Такэда. – Это не под силу никому из простых смертных. Ваша задача – защита того, кто сможет это сделать. Хотя бы на первом этапе.

– И кто же этот храбрец? – скептически хмыкнул Ростислав.

– Тот, кого еще нет.

– Не понял.

– Мой сын, – просто сказал Сухов. – Будимир.

Ростислав с изумлением посмотрел ему в глаза, но не увидел там ни капли насмешки, ни веселого огонька, ни желания разыграть собеседника, только глубокое понимание происходящего и печаль. Пробормотал:

– Вы... серьезно?

– Он потенциальный маг, – сказал Такэда. – Вернее, начинающий маг. В нем спит скрытая сила, которая должна реализоваться в будущем, и скорее всего не в нашем хроне. Но для этого он должен пройти Путь.

– Путь Меча?

– Нет, Путь Духа. Путь Меча прошел его отец, этого достаточно. Шаданакар ждет Избавителя, но и слуги Уицраора не дремлют! Если на «лестнице» Шаданакара появимся мы с Никитой, нас не пропустят в глубину Веера... м-м, Фракталя Миров. Вот почему выбор пал на вас. Мы с Ником, конечно, попытаемся вас подстраховать, сопровождать вас поелику возможно, в арьегарде, так сказать, но ответственность...

– Понял, – угрюмо проговорил Ростислав, машинально погладив здоровой рукой колени искалеченной ноги. – И все же я далек от тех кондиций, которыми владел прежде.

– Не волнуйтесь, я уже говорил, это дело поправимое. Как только выберетесь из нашего хрона, Будимчик вылечит ваши травмы. – Такэда глянул на Сухова. – В принципе руку можно было бы отремонтировать и нынче, как ты думаешь?

Сухов пожал плечами.

– Не вижу препятствий.

Японец повернулся к нахохлившемуся Ростиславу.

– Приедем в деревню, и малец заставит вашу руку действовать как в прежние времена.

Ростислав через силу улыбнулся.

– Больше всего мне хочется проснуться... со здоровой рукой. Но хорошо, допустим, я согласен помочь, побыть в роли телохранителя мальчика. Однако, если все это не вымысел, нам придется сражаться с колдунами, магами, игвами и прочими разными тварями... с той же «свитой Сатаны», с «черными командос»... А я обыкновенный человек, да еще неполноценный, как говорят...

– Вы, наверное, прослушали, что я говорил насчет магии, – мягко произнес Такэда. – В результате последнего Повеления Семерых, – он мотнул головой на усмехнувшегося Сухова, – все так называемое магическое оружие – шиххиртхи, хабубы, мороки, отниматели сил, суггесторы – перестало действовать. Кроме, разве что Финиста, меча Святогора, и, наверное, *умертвия*. Но о них разговор особый. То есть в пределах «вспенившегося» Веера Миров установлен предел магического оперирования, перейти который не может никто, даже Великий игва Уицраор. Ибо это – Закон Веера. Изменить его может только Соборная Душа Шаданакара... и по легенде Избавитель. Веер теперь находится в состоянии так называемого магического равновесия, вот почему на первое место выходит физическое мастерство боя, профессиональ-

ное владение приемами и тактиками выживания. Магического противодействия, такого, какое встретилось нам, вы не встретите. Все ваши сегодняшние враги...

– Наши, – поправил Тояву Сухов.

– Все наши сегодняшние враги будут вынуждены действовать в рамках Закона, то есть будут стараться убить нас физическим путем, с помощью ножа и меча, пистолета и гранатомета, с помощью веревки и яда. Не исключено, что некоторые магические эффекты нам все же встретятся, особенно в тех мирах-хронах, которые изначально подчинялись магофизике, но с ними, я надеюсь, мы справимся. Тем более что с вами будет Будимир.

Ростислав перестал катать шарик по столу, подозвал официанта, заказал кофе.

– Вопросы задавать можно?

– Было бы странно, если бы вы их не задавали, – хмыкнул Сухов.

– Насколько я понял, трое из четырех Великих игв погибли...

– Совершенно верно. Это Гиibelь, Даймон и Гагтунгр. Остался самый мощный демономаг – Уицраор, олицетворение необъяснимого, нелогичного и непонятного. Хотя подрастает новое поколение демонических существ, последователей Великих игв, особенно в разрушении уже существующих вселенных, готовых на все ради удовлетворения своих желаний и амбиций.

– Как же мы справимся с ними?

– Опять вы меня не поняли, – качнул головой Такэда. – Мы не собираемся ни с кем воевать, разве что в порядке самообороны. Наш Путь, вернее, Путь Избавителя – это Дао, Путь Духа. Мы должны не уничтожить Уицраора, Люцифера и иже с ними, а собрать Душу Веера воедино. Понимаете? Это и есть цель похода. Дай бог, чтобы мы хотя бы полпути прошли тихо и незаметно, без драк и стычек с холоуями демономагов.

– И все же, если нам придется защищаться, хотелось бы...

– Кое-какую экипировку мы достанем, на Земле в наши времена тоже научились делать хорошие защитные костюмы и оружие. Но вы правы, неплохо было бы найти и что-либо помощней. Мы займемся этим.

– Вы говорили о каком-то супермече...

– О Финисте, мече легендарного Святогора, прародителя Святой Руси, все еще ждущего своего освобождения. Гиibelь заманил его, сымитировав облик еще одного русского богатыря, и, в общем, м-да... – Такэда пожевал губами. – Кажется, я начинаю повторяться. Меч Святогора – не просто конкретный вид холодного оружия, это эффектор гипервоздействия, магический оператор, созданный Творцом Веера для его защиты. Но существует еще один вид оружия...

– *Умертвие*?

– Да, универсальное оружие разрушения, создающее поток энтропии, смерти, отрицания любой организованной системы. Создано оно Люцифером и действует в любом хроне с одинаковым успехом. Разве что инициировать его может далеко не всякий человек. После Сражения с игвами Семерка заблокировала *умертвие*, спрятала в одном из разрушенных войной хронов. Хотя даже Никита сейчас не скажет – где именно. Итак, Слава, что вы нам ответите? – Такэда мельком посмотрел на часы.

Ростислав тоже глянул на циферблат своего командирского хронометра: они сидели в кафе уже почти два часа. Помедлил, цедя горячий кофе, не чувствуя его вкуса. Усмехнулся.

– Черт бы вас побрал, парни! Ведь жил себе тихо-мирно, никому не мешал, занимался любимым делом... а тут появляетесь вы и предлагаете все бросить к чертовой матери и мчаться куда-то на край света за призрачным счастьем... Кстати, вам следовало бы действовать как настоящие искусители, предложить бессмертие, власть, здоровье, деньги и что там еще полагается. Почему не обещаете?

Такэда и Сухов смотрели на него с одинаковой сдержанностью и сочувствием, уверенные в себе и ощутимо сильные, и Ростислав добавил, стоня усмешку с губ:

– Я с вами!

ГЛАВА 4

Ростислав не предполагал, что может так увлечься чужой проблемой, взвалив ее на свои плечи как веление долга. Конечно, по ходу дела у него возникали вопросы, однако, поверив своим новым товарищам, он не стеснялся выражать свое недоумение по тому или иному поводу и получал ясные и точные ответы, уже почти не удивляясь их необычности. Так, например, возник вопрос о школе.

Август заканчивался, приближалось первое сентября, время занятий, но ни сам Будимир, ни его отец, ни наставник не вспоминали об этом, будто парень вовсе не собирался учиться.

– Ему же в школу надо, – кивнул на мальчика Ростислав, уезжая из деревни с чувством легкой эйфории.

– Поход по хронам Веера не займет много времени, – сказал Такэда. – Относительно течения нашего времени, естественно. В каждом «пузырьке»-метавселенной время течет «под углом» к нашему, поэтому мы вполне можем успеть вернуться к началу учебного года. Другое дело – поиск входа в сеть хроноскважин, тут уж мы зависим только от земных законов и нашей расторопности.

Уезжали из Илейкина во вторник, 28 августа. Не верилось, что все это происходит наяву, тем не менее Ростислав держался так же невозмутимо, как и его спутники, и даже мысли не допускал, что может домой уже и не вернуться. Во всяком случае, собирался он основательно, по-хозяйски прибрал в доме и, запирая двери на замки, подумал, что за несколько дней ничего с хозяйством не случится. Правда, интуиция робко подсказывала, что поход продлится намного дольше, однако Ростислав не прислушивался к голосу второго «я», полагая, что контролирует ситуацию и всегда может отказаться от продолжения похода.

В три часа пополудни машина Такэды с четырьмя седоками подъехала к его дому в районе Останкина. Сухов с сыном пересели в другую машину – «Хонду Легенду» и уехали домой. Им надо было собраться, попрощаться с хозяйкой – по рассказам Такэды, жена Никиты Ксения была очень красивой женщиной – и купить билеты на самолет. Куда они летят – все вместе, разумеется, он не знал, отдал паспорт и больше не мучился, справедливо полагая, что ему все расскажут в нужное время.

Пока Такэда возился с машиной во дворе, Светлов с интересом прошелся по квартире японца, разглядывая интерьеры, прямо указывающие на национальность хозяина (хотя японцем Тоява был только наполовину – по отцу): циновки-татами на полу, коллекцию холодного оружия на стенах и полках, эстампы с видами Фудзи и поединками самураев, бонсаи – миниатюрные деревья в кадках и специальных ящичках вдоль стен, и множество книжных полок, повешенных таким образом, чтобы образовывались традиционные японские токонома – ниши, в которых располагались статуэтки японских богов, ножи и кинжалы. В глубине одной из ниш висел старинный свиток с японскими иероглифами – какэмоно.

Вошел Такэда, волоча две огромные брезентовые сумки.

– Нравится? – кивнул он на стену с оружием.

– Я столько мечей не видел даже в музеях, – признался Ростислав.

– Ничего удивительного, я собираю коллекцию с детства, больше двадцати пяти лет, а начинал ее еще мой отец. Не хотите показать класс?

Светлов смущенно качнул головой.

– Я не держал в руках меча уже больше десяти лет.

– Давайте попробуем. – Такэда снял с подставок два меча – японскую катану и меч с прямым нешироким обоюдоострым клинком, с ребром, проходящим по средней части. – Это илд, монгольский меч, он очень легок и хорошо сбалансирован. Но можете взять любой другой.

– Пусть будет илд.

Ростислав взял меч, отметив его удобную рукоять, обмотанную тесьмой, крутанул кистью в разные стороны, пробуя клинок и вспоминая приемы фехтования.

– Начали полегоньку, – сказал Такэда и сделал три быстрых удара, выбивая меч из руки Ростислава.

Тот порозовел, подобрал меч, снова стал в стойку, раздувая ноздри, заставляя себя настроиться на бой и двигаться в темпе.

Клинки скрестились раз, другой, третий, комнату заполнил тихий звон и шелест стали, легкий топот ног и скрип паркета. Удар – отбив, удар – уклон, выпад – штамп сверху, нукитэ – обманное движение, веер, звонкий щелчок, свист воздуха, блок, развод, прыжок, спираль захвата, выход...

Бойцы отскочили, держа мечи над головой острием вперед. Потом Такэда поднял свой клинок вверх, поклонился. В отличие от бурно дышащего Светлова он, казалось, не дышал вовсе.

– Достаточно, Слава. Прекрасная подготовка. Я не знал, что наш спецназ готовят так хорошо. Или вы занимались фехтованием отдельно?

– Приходилось заниматься. Мой первый тренер был мастером фехтования. К сожалению, он потом уехал из России, так что навык у меня небольшой.

– Все равно деретесь вы очень достойно, это пригодится нам в дальнейшем.

– Неужели придется сражаться с кем-то на мечах?

– Мы должны быть готовы ко всему. Ник в свое время начинал с нуля, пока после упорных занятий не стал мечарем – мастером боя на мечах. Он намного сильнее меня. Конечно, эти современные железки, – Такэда пристроил мечи на место, – далеко не идеальны. Нам бы добыть парочку настоящих мечей, не говоря уж о Финисте.

– Он так хорош?

– Он уникален. Да и не меч это вовсе, как я уже говорил, а эффлектор гипервоздействия.

– Он действительно может удлиняться на километр?

Такэда улыбнулся.

– Я тоже не верил, пока не увидел его в действии. Но владеть им может только герой, то есть очень сильный светлый маг, отстаивающий идеалы справедливости и добра. Воспользоваться Финистом наши враги, к счастью, не смогут. Но давайте собираться. Я принес экипировку, выбирайте костюм и оружие. Как говорили в старину: *arma in armatos jura sinunt*⁴.

Ростислав покачал головой.

– С оружием могут возникнуть проблемы, особенно если придется перемещаться по воздуху. Нас не пропустят на контроле.

– Все предусмотрено. Мы с Ником готовимся к походу уже семь лет, так что позаботились кое о чем. Во-первых, у нас есть разрешение на ношение личного оружия. Завтра Ник привезет такое же и вам. Во-вторых, существует достаточно серьезное оружие, не требующее документов. В-третьих, в аэропортах мы все равно будем сдавать вещи в багаж во избежание ненужных объяснений.

Такэда раскрыл сумки, вытащил из одной пистолет с длинным дулом, бросил Ростиславу. Тот уважительно, со знанием дела повертел пистолет, вынул обойму, защелкнул обратно, вернул хозяину.

– Хорошая машинка.

– Приходилось пользоваться?

– Редко, мы все больше забугорное оружие применяли. Но этот «волк» совсем новый.

– Последнее поколение штурмовых пистолетов. Куча прибабасов, ночной, лазерный и акустический прицелы, глушитель, приспособление для стрельбы из-за угла, магазин на сорок

⁴ Закон позволяет применить оружие против вооруженных (*Положение Римского права*).

патронов, а главное – опознаватель владельца. Заметили на рукоятке черное стеклышко? Это устройство считывания папиллярного узора. Воспользоваться таким пистолем сможет только хозяин, в чужих руках он не выстрелит.

– Разве его нельзя перекодировать?

– Можно, но для этого понадобится время.

Такэда вытащил из сумки еще одну вещь, и Ростислав заинтересованно взял у него из руки самую настоящую рогатку. Но рогатка была непростая. Она имела анатомическую рукоять, упор под локоть, металлические дужки и особое приспособление, напоминающее крестообразный прицел зенитного пулемета времен Отечественной войны.

– «Бекас»?

– Нет, это «кобра». Такими рогатками сейчас пользуются даже спецподразделения МВД. На дальности в пятьдесят метров пробивает пятимиллиметровый лист фанеры. Если, конечно, стрелять картечью. Пистолетов и «кобр» нам будет, конечно, недостаточно, но и с этими машинками можно будет отбиться от местников.

– От кого?

– Так я называю людей, в которых может вселиться программа охоты на нас. Кроме всего прочего, у нас будет вот это. – Такэда бросил рогатку в сумку, достал нож в чехле с красивой пупырчатой рукояткой. – «Дамаски». Наши отечественные, многофункциональные. Плюс наборы Н-1.

На свет появился комплект «ниндзя», в который входили метательные иглы и пластины, колючие «каштаны» игадама, скобы, трезубцы и приспособления для лазания по отвесным стенам и скалам.

– Годится, – кивнул Ростислав и вздохнул про себя; многим из показанного он воспользоваться уже не мог, в том числе рогаткой и набором Н-1.

Такэда понял его состояние, дотронулся до локтя.

– Не переживайте, Слава, скоро вы будете бегать, как молодой козел, гарантирую. Ну, а это «доспех», защитно-боевой костюм для экстремального выживания.

Он вытащил сверток дымчато-серого цвета, развернул в подобие комбинезона, ткань которого казалась текучей, дымящейся, неосязаемой, то и дело принимающей цвет окружающих предметов и как бы исчезающей на миг. Весил костюм около семи килограммов.

– Такой легкий, – с некоторым сомнением взвесил его в руке Ростислав. – Без оборудования?

– Полная нагрузка: система маскировки, компьютер, аккумуляторы, связь, целенавешение, опознавание, системы слежения за здоровьем и состоянием организма, «гуляющая пружина» – экзоскелетный движитель, – все в наличии. Скорость передвижения – до тридцати километров в час.

– Впечатляет! В мое время комбезов таких еще не было. А где шлем?

– Шлем не нужен. Необходимые головные прибабасы выдвигаются из воротника по мере надобности – рации, прицелы, экран наведения и целеуказания, устройство ночного видения, соска для поднятия тонуса.

– Здорово! Как вам удалось добыть такие костюмы?

– Мир не без добрых людей, – усмехнулся Такэда. – Конечно, это не диморфранты, спасавшие нас с Ником во время первого похода, однако, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой. На первое время сгодятся и эти комплекты. А вот это нам понадобится в первую очередь.

Такэда вынул из другой сумки пакет, из которого вытащил нечто вроде металлического паучка.

– Датчик радиации? – неуверенно предположил Светлов.

– Лингвер, переводчик с аудиоответом. Знает сто с лишним языков, которыми пользуются в большинстве хронов Веера. К сожалению, у нас сохранился только один экземпляр, но Никите он не нужен, а я попробую раздобыть себе еще один аппарат у одного своего старого знакомого. Берите, это ваш, крепится к мочке уха.

Ростислав примерил «паучка». Он не однажды цеплял к уху миниатюрные «серьги» раций, но этот приборчик был почти невесом и не ощущался инородным телом.

– Сейчас мы его испытаем. – Такэда произнес какую-то фразу на японском языке, заканчивающуюся словом «вака-римасэн».

Ростислав невольно вздрогнул от неожиданности, услышав в ухе тихий отчетливый шепоток:

– Вы быстро освоитесь, лингвер не требует ухода и не боится водных процедур. Можете его не снимать. Поняли меня?

– Понял, – кивнул Светлов с запозданием. – Непривычные ощущения... будто говорящий сверчок в ухе сидит. Где делают лингверы? Неужели земная наука дошла и до таких совершенных аппаратов?

– Наука земная, только та Земля находится в другом хроне. Примеряйте «доспех», упаковывайте свои вещи в сумку, в том числе оружие.

– В мою не уместится...

– Мы приготовили спецсумки для каждого, с замками, одна из них ваша. Когда выберемся из хрона в Шаданакар, их придется бросить.

Такэда снова вышел.

Ростислав начал доставать из сумок все, что показал хозяин, примерил комбинезон, обтягивающий тело как толстая, мягко-упругая вторая кожа. Вернувшийся Тоява помог ему включить компьютерное сопровождение костюма, и Ростислав, почувствовав его «живое» тепло и ожидание, подумал, что такие «доспехи» намного увеличивают эффективность спецназа.

До вечера они упаковались, потом поужинали и легли спать, пожелав друг другу спокойной ночи. Уснул Ростислав не сразу, вспоминая подробности рассказа Такэды, формулировал новые вопросы, но задать их не решился, отложив беседу до утра.

Суховы – отец и сын – приехали в десять часов утра, одетые по-походному. Никита принялся подгонять экипировку и загружать сумки. Будимир без малейших следов волнения на лице помог отцу, потом подсел к компьютеру в спальне Такэды и запустил какую-то игру.

– Он знает, куда мы направляемся? – кивнул на мальчишку Ростислав.

– Знает, – спокойно ответил Сухов.

– Где его комбез? Удалось подогнать под его размеры?

– Комбинезон ему не понадобится.

Ростислав хотел было спросить: почему? – но вспомнил намеки Такэды на «магические способности» парня и промолчал. После паузы спросил:

– Кстати, а куда мы направляемся, если не секрет?

– На Таймыр, к оленеводам, – ответил Такэда. – Там живет тот самый старейший знакомый, хаббардианец, бывший наблюдатель, у которого я попробую выпросить лингвер.

– Вуккуб? – вспомнил Светлов.

Такэда подмигнул Сухову.

– Быстро Слава ориентируется, ты не находишь? Совершенно верно, капитан, мы летим на встречу с Вуккубом, хотя он этого и не ждет. Но помочь нам может только он один. Вы на Таймыре еще не были? В море Лаптевых не купались?

– Не доводилось.

– Вот и испытаете на себе северные прелести.

– Температура воды в море Лаптевых даже летом не поднимается выше десяти градусов, – проворчал Сухов. – Не особенно поплаваешь. Ну что, готовы, господа бодигарды?

– Момент, – хлопнул себя Такэда по лбу тыльной стороной ладони. – Мы забыли кое-что сделать. Будимир, – позвал он сына Никиты.

На пороге спальни возник мальчик.

– Посмотри ему руку.

Мальчишка подошел к Ростиславу, до последней минуты не верившему, что обещание Тоявы когда-нибудь исполнится.

– Рубашку снимать?

– Просто закатай рукав, – посоветовал Сухов-старший.

Ростислав повиновался, смущаясь и сердясь на себя за это смущение.

Будимир осмотрел усохшую руку Светлова, дотронулся до локтя пальцем, и всю руку Ростислава от плеча до кончиков пальцев свело как от электрического разряда, разве что не болезненного, а в чем-то даже приятного. Ростислав невольно отдернул руку. Мальчик улыбнулся.

– Я ничего плохого не сделаю, дядя Слава.

– Не сомневаюсь, – стиснул зубы Ростислав, унимая внутреннюю дрожь и прислушиваясь к своим ощущениям; по коже руки побежали мурашки, внутри локтевого сустава запульсировала жилка, прокалывая иногда всю руку от пальцев до шеи.

Будимир взял локоть Светлова в ладошки, закрыл глаза. Его лицо стало сосредоточенным и строгим.

Еще один «электрический» разряд свел мышцы руки, на сей раз тише и как-то иначе, и тотчас же Ростислав почувствовал горячую пульсацию крови по сосудам и понял, что может пошевелить пальцами! Проговорил озадаченно:

– Только не будите меня... она шевелится!

Сухов засмеялся.

– Ты не верил?

– Я и сейчас сомневаюсь... Но я действительно чувствую пальцы!

Рука теперь пульсировала вся, как живой камертон, горячая кровь струилась по жилам, кожа зудела и чесалась, но пальцы двигались, а потом вдруг с тихим внутренним «скрипом» разогнулся и локтевой сустав.

Ростислав вздрогнул.

Будимир открыл глаза, отнял горячие ладошки, улыбнулся чуть смущенно:

– Все будет в порядке, дядя Слава. Я вам не сделал больно?

Ростислав молча смотрел на свою ожившую руку, и вид у него был такой, будто он нашел драгоценный камень и не знает, что с ним делать.

Сухов сжал его здоровую руку, ушел на кухню. Такэда с любопытством подошел ближе, рассматривая бледную, худую, с набухшими венами больную руку Светлова, пробуя сжимать пальцы в кулак и сгибать руку в локте.

– Это называется повелением. Кости целы, рука двигается, а мышцы нарастут. То же будет и с ногой, верно, целитель?

Мальчишка серьезно кивнул.

– Спасибо! – хрипло проговорил Ростислав, откашлялся. – Теперь я твой должник до конца дней!

Будимир покраснел, смутился.

– Ничего особенного я не сделал, только открыл энергетические каналы. В организме человека есть такие клетки...

– Он инициировал так называемые стволовые стромальные клетки костного мозга, – сказал Такэда. – Получив «приказ», они по кровеносным сосудам устремились к пораженному локтевому суставу и начали его лечить, восстанавливать ткани. Скоро рука будет как новая. А голову пришить сможешь, колдун?

– Вы скажете, дядя Толя... – улыбнулся Будимир.

– Кончай шутить, самурай, – появился в гостиной Никита с чашкой в руке. – От твоих шуток тараканы дохнут. Предлагаю попить чайку или кофе и в путь. Самолет из «Домодедова» вылетает в одиннадцать вечера. Пока доберемся, как раз регистрация начнется.

Ростислав не ответил, как зачарованный глядя на свою проснувшуюся руку, веря и не веря, что это с ним происходит наяву. Лишь когда Такэда принес ему чашку с горячим кофе, он очнулся и опустил рукав рубашки. Посмотрел на деловито настроенных мужчин, на по-мальчишески довольного своим успехом Будимира и с чувством проговорил:

– Не пожалею ничего!

Протянул руку. Сухов понимающе сжал его ладонь, Такэда положил сверху свою, посмотрел на мальчика:

– Присоединяйся. Все за одного, как говорится, один за всех.

Будимир накрыл три мужские ладони своей ладошкой, с несмелой улыбкой сказал:

– Как мушкетеры, да?

Все засмеялись, Ростислав тоже, чувствуя навернувшиеся на глаза слезы. Ему было радостно и хорошо.

Через несколько минут они погрузили сумки в «Ауди» Такэды и выехали.

В аэропорту Такэда поставил машину на платную стоянку, заплатив на неделю вперед, подошел к остальным. Ростислав вскинул свою сумку на плечо, собираясь идти к зданию аэропорта, но Сухов остановил его.

– Подожди немного. С этой минуты мы не знакомы. Дальше вы будете двигаться без нас.

– Почему? – удивился Ростислав.

– Как только наблюдатели Уицраора засекут наше передвижение с Будимиром, за нами начнется охота. Поэтому вы пойдете впереди, мы будем вас прикрывать. Связь держим по рации. Но вместе нас видеть не должны.

– Неужели наблюдатели следят за вами?

Такэда поднял руку с перстнем эрцхаора. В черном камешке помаргивал оранжевый крестик.

– Видите этот огонек? Он указывает на колебания магических полей в пространстве Земли. Это в свою очередь означает, что в наш хрон «просочился» кто-то из контролеров Уицраора. – Тоява кивнул на Никиту. – Для наблюдения за ним на всякий случай. Каким образом ведется наблюдение, мы не знаем, но ведется наверняка. Хотя, может быть, не прямо, а с помощью внедренных систем или вселенных в кого-то программ. Все семь лет после появления курьера мы искали сеть наблюдения и прятали Будимира. В смысле – его способности. Как будто все пока спокойно, однако лучше перестраховаться.

– Я понял. – Ростислав посмотрел на сына Никиты. – Ну что, лекарь, справимся? Ты готов?

Будимир ответил своей обычной мягкой извиняющейся улыбкой, посмотрел на отца.

– Пока, пап.

– Будь молодцом. – Сухов-старший на мгновение прижал сына к себе, поцеловал в макушку. – Я буду рядом.

Ростислав взял Будимира за руку, и они направились к освещенному зданию аэропорта.

Такэда и Сухов молча смотрели им вслед, пока хромым мужчиной и мальчиком не скрылись за вращающимися дверями.

– Потопали и мы, – сказал Никита, проведя ладонью по лицу.

Такэда посмотрел на эрцхаор, внутри которого вспыхивал и гас оранжевый крестик – знак внимания, поднял свою сумку, и они поспешили в зал регистрации вслед за юным посланником и его защитником.

ГЛАВА 5

Самолет приземлился в таймырском аэропорту Алыкель в шесть часов утра по местному времени.

Конец августа на Таймыре – это уже далеко не лето, и хотя Ростислав был готов к перемене климата, однако быстро понял, что плюс два в сочетании с ветром далеки от комфортного сочетания естественных природных условий. Человек вовсе не северный, он продрог в первые же минуты пребывания в краю вечной мерзлоты и вынужден был поддеть под куртку заблаговременно взятый свитер.

Полет прошел нормально. Будимир уже летал на самолетах и перенес воздушное путешествие спокойно, поглядывая время от времени в иллюминатор. Они сидели недалеко от пары Сухов – Такэда, но делали вид, что незнакомы, хотя в душе Ростислав сомневался в необходимости соблюдения подобных мер предосторожности.

Аэропорт Алыкель располагается примерно посередине между двумя главными таймырскими городами – Норильском и Дудинкой, в полусотне километров от каждого. Сели в автобус, идущий в Дудинку. Сухов и Такэда проводили их взглядами, и отряд разделился. Ростислав не знал, каким транспортом будет добираться до места «группа подстраховки», но был уверен, что она постарается не выпустить их из виду.

В Дудинку приехали в десять часов утра, зашли в кафе недалеко от автовокзала под названием «Северное сияние». Не успели заказать завтрак, как в кафе объявились и Сухов-старший с Такэдой. Светлов удовлетворенно кивнул сам себе: их сопровождающие обладали немалым опытом и были профессионалами. Это успокаивало.

Позавтракали. Будимир вел себя по-взрослому чинно и невозмутимо, хотя видно было, что ему нравится играть в «разведчиков». Он с любопытством разглядывал посетителей кафе, прохожих, город, изредка обращал внимание Светлова на то, что показалось необычным, но, на взгляд самого Ростислава, необычное он увидел лишь один раз. Напротив кафе через всю улицу висел старый выцветший транспарант с надписью: «Коммунизм – светлое будущее человечества». Транспаранту этому исполнилось, наверное, не менее двадцати с лишним лет, и, почему его до сих пор не сняли, оставалось загадкой.

Сухов и Такэда позавтракали первыми и ушли.

Ростислав дождался, пока Будимир допьет какао, и они тоже вышли на улицу. Инструкции были самые простые – ждать сигнала. Поэтому решили не гулять по городу с тяжелыми сумками, тем более что было холодно и ветрено, а зайти в какое-нибудь теплое заведение и расслабиться. Вскоре такое заведение отыскалось – новенький кинотеатр «Элден». Взяли билеты на фильм-сказку «Логово зверя». Однако досмотреть фильм не довелось. Через час в ухе Светлова зашепелявила рация:

– Маршрут меняется. Езжайте в аэропорт.

Будимир воспринял известие не без сожаления – фильм был хорош, – но возражать не стал. Вернулись на автовокзал, снова поехали в аэропорт. По дороге получили дальнейшие целеуказания: взять билеты до Хатанги на самолет, там пересесть на вертолет до поселка Хындасско и ждать.

Так и поступили, продолжая делать вид, что Сухов и Такэда – чужие люди.

В Хындасско добрались уже поздно вечером, когда зажглись фонари, и попали в зиму. Везде здесь лежал снег, поэтому лучшим видом транспорта наряду с оленями были снегоходы и триманы – трехколесные вездеходы на огромных, в рост человека, колесах, которым было не страшно никакое бездорожье.

Поселок Хындасско оказался небольшим и компактным. В нем жили не больше трехсот человек, в основном – долгане по национальности и ненцы. Стоял он прямо на берегу залива

моря Лаптевых, окруженный с трех сторон тундрой. Ночи здесь темные, но фонари вокруг поселка позволяли ориентироваться свободно, и гости хорошо разглядели бревенчатые дома, похожие на деревенские средней полосы России, и олени шкуры, развешанные на шестах под окнами.

В центре поселка отряд объединился. Отец и сын Суховы обнялись.

– Как настроение, мужик?

– Нормально.

– Не замерз?

– Нет.

– Пока все идет путем, – сказал Такэда, единственный, кто не надел головного убора, на остальных красовались вязаные шапочки. – Никто за нами не топает, никто не дышит в спину. Будем надеяться, что нас потеряли из виду.

– Почему мы не остановились в Дудинке? – поинтересовался Ростислав.

– Потому что Вуккуб оттуда переехал сюда, в Хындаско. У нас были устаревшие данные. Теперь он зовется Онуфрием Порфирьевичем Попигаем и занимается целительством. В поселке он единственный лекарь.

– Он живет один?

– С женой Тааль. – Такэда покосился на усмехнувшегося Никиту. – Очень яркая и необычная женщина. Ник помог Вуккубу спасти ее. Теперь ее зовут Аделаидой.

– Поэтому вы надеетесь, что он поможет нам?

– В точку, капитан. Как рука?

Ростислав поднял левую руку, пошевелил пальцами.

– Странное ощущение – по ней все время бегают мурашки...

– Это объяснимо, идет процесс восстановления поврежденных тканей. Я бы посоветовал купить ручной эспандер и качать мышцы, дело пойдет быстрее. Кстати, то же самое будет и с ногами.

– Пойдемте, – сказал Сухов. – Холодно.

– Вы знаете, где его дом?

– Спросим у кого-нибудь.

– Не надо спрашивать, – раздался сзади чей-то негромкий, с характерными горловыми интонациями голос.

Все четверо оглянулись.

От столба с фонарем в полусотне метров отделилась тень, превратилась в фигуру человека в черном полушубке, с непокрытой головой. Человек шагнул к ним, буквально растворился в воздухе и материализовался уже в десяти шагах от застывших путешественников.

– Ба, да это Седьмой собственной персоной! – тем же звучным голосом с горловым оттенком продолжал незнакомец. – То-то чую – русским духом запахло! И оруженосец здесь. Приветствую вас в этом вечно мерзлом краю, господин Такэда. А это кто с вами? Парень явно похож на одного известного мне танцора, уж не ваш ли это отпрыск, Седьмой?

– Знакомьтесь: Ростислав Светлов – Порфирий Онуфриевич Попигаем, – бесстрастно сказал Такэда. – Он же Вуккуб, сын хаббардианца и земной женщины, разведчик и маг, а также наблюдатель хрона.

– Бывший наблюдатель, – поднял вверх палец Вуккуб, разглядывая по очереди Будимира и Ростислава. – И зовут меня не Порфирий Онуфриевич, а наоборот, Онуфрий Порфирьевич. Хотя разницы никакой.

Волосы у Вуккуба были иссиня-черными, прямыми, блестящими, как вороново крыло, лицо смуглое, нос хищный, губы узкие, но абрис лица отличался от лиц «кавказской национальности», несмотря на сходство с иранско-мусульманским обликом, хорошо знакомым Ростиславу.

В черных глазах Вуккуба протаяла ироническая усмешка.

– Оруженосец нового посланника, надо полагать?

– Вы всегда отличались необыкновенной догадливостью... э-э, Порфирий... э-э, Онуфриевич, – с вежливой холодностью сказал Такэда. – И умением маскироваться. Мы отыскали вас с превеликим трудом.

– Чего ты хочешь от кромешника? – пожал плечами Сухов. – Это его нормальное состояние. Как насчет побеседовать о смысле жизни, господин Помигай?

– Попигай. О чем, о чем побеседовать?

– Нужна твоя помощь.

Вуккуб усмехнулся, хотя глаза его оставались оценивающими, зоркими, отталкивающими, умно-холодными.

– Спасибо за прямоту, Седьмой. Не думал, что ты вспомнишь обо мне когда-нибудь. Проблемы?

– Может, поговорим в другом месте?

– Прошу прощения. Идемте ко мне. Тааль уже накрыла на стол и ждет.

Никита поднял бровь.

– Вы нас... ждали?

Вуккуб кивнул, пряча в глазах огонек превосходства.

– С той минуты, когда вы высадились в Алыкеле. Эта северная земля стала моей вотчиной на многие годы, знаете ли, я хорошо чувствую появление «фигур умолчания» с магическим потенциалом.

Сухов и Такэда переглянулись.

– Этого следовало ожидать. Хаббардианцу индикатор не нужен, он сам себе локатор и эрцхаор. А почему ты уехал из Дудинки? Ведь ты жил там.

– Во-первых, у меня здесь не одно лежбище, во-вторых, в Дудинке запахло вселением, а я вмешиваться ни во что не хочу. Стар стал. Но поговорим об этом дома.

Вуккуб повернулся, чтобы пойти вперед, и в это время из ближайшей избы вывалила на площадь шумная толпа нетрезвых молодых людей в распахнутых куртках, горланя песни, танцуя, ругаясь и хохоча. От них валил такой пар, что, казалось, они выбрались из бани. Один из молодых людей, с фонарем в одной руке и бутылкой пива в другой, осветил Вуккуба, затем его спутников, заорал:

– Ребя, тут еще золотоискатели прибыли. Но, похоже, без дам. Эй, старый, где дамы? Нам девочек обещали.

Вуккуб наставил на него палец.

– Пу!

Парень вздрогнул, широко раскрыл глаза, выронил фонарь и бутылку и осел на ослабевших ногах. Остальные замолчали, глядя на своего предводителя недоумевающе, бросились к нему, окликая, потеряв интерес к Вуккубу и его гостям. Тот обошел молодых парней, как неодушевленные предметы, направился к одному из ближайших домов поселка.

– Кто это? – догнал его Сухов.

– Новые русские туристы, – ответил Вуккуб, не оглядываясь. – Да и нерусских хватает. Каждый день кто-нибудь прибывает. То на Северный полюс собираются, за экзотикой, то мамонтов ищут. Непокойно тут становится. Слишком уж рьяно цивилизация пытается освоить край света.

Последние слова Вуккуб произнес с явственным сарказмом.

– Что ты с ним сделал? – Никита оглянулся. – С туристом?

– Мозги вправил, – буркнул хаббардианец. – Очухается, может, станет иначе относиться к жизни.

Ростислав отстал, также оглядываясь на притихшую компанию, не понимая, почему молодые люди вдруг потеряли к ним интерес. Догнал Такэду, понизил голос:

– Что он с ним сделал?

– Ничего особенного, – ответил японец. – Жить будет. Вуккуб лишь наполовину хаббардианец, человеческого в нем не меньше, чем хаббардианского. Все они трехсущностны, добро, зло и равнодушие поделены в их душах поровну, никогда не знаешь, что они выкинут в следующий момент.

– Никита сказал, что он кромешник. Как это понимать?

– Кромешник – живущий «на кромке», между Явью и Навью, между реальностью и миром смерти.

– Образное выражение?

– Самое что ни на есть отражающее суть природы, действительное положение вещей. Вы еще убедитесь в этом.

Они дошли до скромного на вид бревенчатого дома с тремя окнами, с пристройкой, обшитой тесом, с двумя шестью, на которых болтались олени шкуры. Вуккуб открыл дверь, пропуская гостей в сени, вошел сам. Сняли обувь, надели меховые тапки, предложенные хозяином, зашли один за другим в хорошо натопленную избу и остановились у порога.

Внутри дом оказался большим и светлым, состоящим по крайней мере из пяти-шести комнат с центральной гостиной-горницей. А у накрытого стола стояла смуглолицая женщина ослепительной красоты в русском сарафане, с короткой прической и с улыбкой смотрела на гостей. С минуту длилось молчание. Потом Никита шагнул вперед и поцеловал ей руку.

– Привет, жрица. Хорошо выглядишь.

Женщина засмеялась.

– Ты тоже, посланник. А это кто с тобой?

– Мои друзья и сын.

– О-о! Ты не побоялся взять сына с собой? Похож, похож. – Хозяйка обошла Будимира, разглядывающего ее во все глаза. – Да, это твой сын. И что-то мне подсказывает, что он очень непростой мальчуган. – Она подняла глаза на Такэду. – Саёнара, оруженосец. Ты ничуть не изменился за двенадцать лет.

– Сука-си⁵, – вежливо ответил Такэда.

Женщина белозубо засмеялась, перевела взгляд на Ростислава, и тот почувствовал холодный сквознячок, проникший в голову изнутри. Светлов ощетинился. Сквознячок прекратился. Глаза хозяйки расширились, в них мелькнуло удивление, сменившееся иронической искрой.

– Меня зовут Тааль. А вы, наверное, новый оруженосец?

– Его зовут Ростиславом, – сказал Сухов. – И он не оруженосец. Защитник.

– Хромой? – Тааль оценивающе прошла взглядом по фигуре Светлова. – И защитник? Оригинально. Хотя, может быть, я чего-то не вижу.

– Не держи гостей на пороге, – проворчал Вуккуб с какой-то странной интонацией. – Усаживай за стол. Самое время ужинать.

Тааль отступила, сделала широкий приглашающий жест.

– Проходите, гости нежданные, присаживайтесь. Давно хотела с вами увидеться, да все муж не позволял. Уверял – сами придете. Вот вы и пришли. Первое будете? Я хорошие щи научилась варить, с олениной.

– Пожалуй, не откажусь, – сказал Сухов.

– А вы, Ростислав?

– Я как все, – пробормотал застигнутый врасплох Светлов.

– Тогда сейчас принесу горшок со щами.

⁵ Немного (яп.).

Тааль вышла на кухню: Ростиславу показалось – сквозь занавеску, не отодвигая ее. Он встретил взгляд Такэды и понял, что не ошибся в своих ощущениях. Здесь царили законы иного мира, мира Хаббарда, родины Вуккуба и Тааль, где волшебство являлось неотъемлемой частью бытия. Физические законы реальности Земли запрещали слишком масштабные проявления магии, но хаббардианцам удалось создать свой локальный мирок, замаскировав его под деревенскую избу.

Они разделись, по очереди умылись в прекрасно обставленной туалетной комнате.

– Никогда не ел щи с олениной, – сказал Такэда. – Не запротестовал бы организм.

– Свиной у нас не разводят, – усмехнулся Вуккуб, изредка поглядывающий на осоловевшего от тепла Будимира. – Иногда охотники приволокут кабана, но это бывает редко. А вот диких оленей развелось столько, что приходится отстреливать сотнями. Ягель сдирают, травяной покров, тундра начинает заболачиваться. Да и климат меняется, у нас среднегодовые температуры поднялись на десять градусов. А ведь это край вечной мерзлоты, если он потечет – придется переносить города и поселки, строить заново, по другим технологиям.

Тааль принесла горшок со вкусно дымящимся варевом, разлила по тарелкам. Будимир хотел было отказаться, но уловил едва заметное движение бровей отца и взял ложку. Правда, съел он немного, однако не без удовольствия и даже похвалил, тихо проговорив:

– Вкусно...

Тааль зарделась, словно получив приз за изготовление блюда, бросила на Сухова-старшего косой взгляд, погладила Будимира по голове.

– Спасибо, мужчинка. Надеюсь, остальным тоже понравится моя стряпня. Насколько мне помнится, оруженосец не ест мяса.

– Я тоже, – сказал Никита.

– Понятно, это возрастное. Помолодеть вы не помолодеете, но сохранитесь дольше. А вы, защитник?

– В принципе большого значения это не имеет, хотя и я предпочитаю растительную пищу.

– Вы думаете, что это характеризует мужчину положительно?

– Я как-то на эту тему не задумывался, просто живу так.

– Люди Земли изначально создавались хищниками, пожирателями животных, хотя опять же обвинять их в этом не стоит. И все же заменить мясо, богатое белками, пока еще трудно. Могу предложить всем тушеные овощи, грибы, жареную оленину и зайчатину.

– Овощи, – в один голос проговорили Такэда, Сухов и Светлов.

– И грибы, – добавил несмело Будимир.

Вуккуб засмеялся. За ним засмеялись остальные, и этот смех на несколько мгновений сблизил столь непохожих друг на друга людей и существ иного мира, «сосланных» в ад Земли за прошлые грехи.

Ужин закончился чаепитием. Чай был заварен травами и листьями брусники и был необыкновенно вкусным. Клевавшего носом Будимира уложили спать, и взрослые собрались в одной из комнат, оказавшейся кабинетом хозяина. В нем умещались два стула, диванчик, стол и на нем современный отечественный «ПиСи» марки «Золотой прииск».

– Теперь выкладывайте, с чем пожаловали, – хмуро произнес Вуккуб, у которого явно испортилось настроение.

Ростислав не знал причин изменения душевного состояния хаббардианца, но догадывался, что оно связано с поведением жены. Тааль слишком много внимания уделяла старшему Сухову.

– Нам нужен выход в Шаданакар, – сказал Никита, как никто другой понимавший состояние Вуккуба.

Тот скривил губы.

– А меч Святогора в придачу вам не нужен? Могу сбегать.

– Нужен, – остался серьезным Никита. – Только вряд ли тебе известно, где он находится в данный момент.

Вуккуб сверкнул глазами, отвел взгляд.

– Я пошутил. Но и с выходом в Веер помочь не смогу. Ты же искал Книгу Бездн, – повернул он голову к Такэде. – Так и не нашел?

– А разве она не у вас? – с изумительной восточной корректностью спросил Такэда.

Вуккуб посмотрел на него, на Сухова, в свою очередь с прищуром разглядывающего хозяина, покачал головой.

– Вы напрасно рассчитываете на...

– Не становись занудой, – вошла в комнату Тааль, – иначе я решу, что ты постарел. Как говорит древняя мудрость: никогда не ври, если правдой можно добиться большего. Двенадцать лет назад эти люди помогли нам, и не их вина, что мы остались в их хроне в роли отбывающих наказание.

Вуккуб глянул на жену исподлобья, хотел сказать что-то резкое, но передумал. Пророботал с плохо скрытой ехидцей:

– Если они такие умные, почему строем не ходят? Почему обращаются за помощью именно ко мне, злобному хаббардианцу?

– Потому что ты единственный, кто может им помочь.

Вуккуб усмехнулся, задумался, приглаживая волосы на виске. Проворчал:

– Женщины редко ошибаются в людях. Не помню, кто сказал: они любят побежденных, но изменяют им с победителями. – Вуккуб кинул мгновенный взгляд на Сухова. – Может быть, я действительно больше землянин, чем хаббардианец? – Он с усилием отбросил колебания. – Книга Бездн, дорогой Тоява Оямович, у меня, точнее, большая ее часть, однако главный ее фрагмент – «ключарь» или «мысленник» – отсутствует, а это как раз та часть, в которой описываются методики личного «выхода за предел», то есть за границу хрона. Единственное, чем я вам могу помочь, это направить к моей дальней родственнице, бабе Домне.

– К Бабе-Яге, – улыбнулся Сухов.

– В каком-то смысле, – кивнул Вуккуб, не обижаясь. – Много лет назад, еще до моего появления на Земле, она была наблюдателем... э-э, определенных сил, но потом влюбилась в землянина, родила трех сыновей и вышла из игры. Ей около двухсот лет, тем не менее старушка еще не настолько выжила из ума, чтобы не помнить свое прошлое.

Такэда и Сухов переглянулись.

– По легендам Баба-Яга является посредником между Явью и Навью, – сказал японец. – И живет она в избушке на курьих ножках, которая вовсе даже не избушка, а врата в мертвое царство. Может быть, так оно и есть на самом деле?

– Ты просто кладешь информации, оруженосец, – проговорил Вуккуб с прежней ехидцей, – за что я всегда тебя уважал.

– Где живет эта твоя родственница? – осведомился Сухов.

– Под Томском, на Оби, местечко называется Навье Болото.

Такэда хмыкнул. Сухов улыбнулся.

– Весьма символичное название, вы не находите, господа? Точные координаты дашь?

– Сорок километров к северу от Томска. Прямых дорог, к сожалению, нет, придется добираться окольными путями, а последние километров десять – вообще по бездорожью.

– Проводи их, – предложила Тааль.

– Вот все брошу и провожу, – огрызнулся Вуккуб. – Доберутся, не маленькие. Погода хорошая, дожди там еще не начались. Надеюсь, это все, что вам нужно от меня?

– Все, – кивнул Сухов, делая вид, что не замечает красноречивых взглядов хозяйки дома. – Разве что хотели попросить лингвер и маленький резиновый мячик.

– Мячик? – удивился Вуккуб. – Зачем?

– Ему, – кивнул на Ростислава Никита, – руку тренировать.
– Хорошо, лингвер я дам. – Вуккуб встал, подтолкнул жену к двери. – Поищу и мячик. Отдыхайте, утром отправитесь назад. Я довезу вас на снегоходе до Хатанги. Вертолет к нам теперь прилетит не раньше чем через неделю.

– Спокойной ночи, мужчины, – сказала Тааль.

Хозяева вышли.

Трое путешественников обменялись взглядами.

– Он ревнует тебя до сих пор, – усмехнулся Такэда.

– Вижу, – ответил такой же усмешкой Никита. – Хотя видит бог – без оснований.

– Иди скажи ему об этом.

– Зачем? Он не поверит. Подумает, что я хочу оправдаться, в то время как я ни в чем не виноват. Хотя чего греха таить, Тааль мне нравилась. Как она тебе, капитан?

– Красивая... – пробормотал застигнутый врасплох Ростислав, подумал и добавил: – Но не в моем вкусе.

Никита засмеялся, встал.

– Пойду пройду к морю. Не составите компании?

– Я спать хочу, – отказался Такэда.

– Я тоже лягу, – кивнул Ростислав.

– Ну и правильно.

Сухов вышел. Стукнула дверь.

– Я заметил, как она на него смотрела, – вполголоса заметил Ростислав.

– О да, Ник когда-то произвел на нее большое впечатление, – кивнул бесстрастно Такэда. – Она была готова на все. Не знаю, что такое любовь по-хаббардиански, но, возможно, она его любила. Вы где ляжете?

– Мне все равно.

– Тогда я с вашего разрешения лягу в горнице. Присоединяйтесь, я не храплю.

– Я тоже, – улыбнулся Ростислав.

Руку продолжало дергать, но это было приятное дерганье: процесс восстановления продолжался, поврежденные кости приобретали прежнюю форму и плотность, мышцы увеличивались в объеме, и он уже мог держать в руке любые предметы, в том числе резиновый мячик, подаренный Вуккубом.

Они улеглись на диване и на раскладушке, где им постелила Тааль. Потушили свет.

Сухов вернулся через полчаса, зашел к сыну в спальню и стал раздеваться, укладываться в соседней комнате.

– Как погулял? – сонным голосом спросил Такэда.

– Нормально, – отозвался Никита. – Море светится. Холодно. Ветер.

– Где хозяйева?

– Я встретил Вуккуба.

– Уверен, что он пошел за тобой намеренно. О чем беседовали?

– Ни о чем. Просто смотрели на море. Потом я сказал ему, что не спал с Тааль, и он ушел. Молча.

– Интересно.

– Да нет, все правильно. Что бы он мог ответить?

В доме наступила тишина, лишь снаружи долетали посвисты и вой ветра в трубе, да гудели провода.

Ростислав не заметил, как уснул.

В семь утра их разбудил Вуккуб.

– Подъем, спасители мира и отечества! Пора в путь. Я иду с вами.

Он вышел.

– Я предполагал нечто подобное, – подал голос Такэда. – Тааль все-таки уговорила его. Никита промолчал. А Ростислав подумал, что желание женщины – великая сила, заставляющая подчиняться даже очень сильных мужчин.

Эпизод 2 *ПРЫЖОК В БЕЗДНУ*

ГЛАВА 1

Ростиславу не впервой было проводить в дороге по нескольку суток кряду, хотя последние десять лет он редко покидал родную деревню надолго. События последних дней несколько утомили его, и он с беспокойством следил за своим подопечным, едва ли готовым к таким нагрузкам. Однако, к его удивлению, Будимир держался молодцом, особых забот не требовал, а если уставал – старался этого не показывать и слушался взрослых беспрекословно.

Уже к вечеру следующего дня компания из четырех мужчин и одного ребенка добралась до Томска, где и заночевала в гостинице «Спутник» на улице Белинского, в трех комнатах.

Летели все вместе, без разделения команды на «авангард» и «арьергард». Такэда заикнулся было об опасности быть вычисленными контролерами СС, но Вуккуб отмахнулся, утверждая, что пока он с ними, беспокоиться о слежке не стоит. Улучив момент, Ростислав вполголоса поинтересовался у Сухова, что означает это заявление, и Никита коротко ответил:

– Он способен создавать вокруг себя «зону непрогляда».

Объяснять, что это означает в свою очередь, Сухов не стал, но Ростислав и так понял, что имелось в виду.

В гостиничных номерах расположились таким образом: Такэда с Ростиславом, Суховы – отец и сын, и отдельно от всех Вуккуб, то есть по паспорту – Онуфрий Порфирьевич Попигай.

– Забавно все это... – заметил Ростислав, когда укладывались спать. – На дворе двадцать первый век, космические корабли долетели до Марса, на Луне строится первая база, а на Земле сохранилась избушка Бабы-Яги...

– С одной стороны, действительно странно, – согласился Такэда. – Но с другой – человечество ищет выход в космос не с той стороны. Все сказки, былины, мифы и легенды отражают истинно существующие реалии, разве что в других хронах. Мы в этом уже убедились с Ником, убедитесь и вы. Вселенная родилась некогда насквозь магической, лишь с течением времени в разных ее слоях-хронах начали проявляться иные законы. На Земле тоже когда-то существовали магические цивилизации, задолго до атлантов и гиперборейцев. Мы с вами – «забытые следы чьей-то глубины», как говорил поэт⁶. Только изредка в нас просыпается древняя сила, но не всегда те, к кому она приходит, способны употребить ее во благо.

– Не все способны увидеть в луже звезды.

Такэда озадаченно посмотрел на Ростислава, потом понял.

– Вы правы, человечество в массе своей не задумывается о звездах, высший полет мечты для него – выиграть миллион.

Ростислав потушил свет, лег.

Помолчали.

– У меня возникает некое нехорошее подозрение... – сказал Ростислав задумчиво. – Не слишком ли все гладко у нас идет? Ведь если наши враги знают о возможном рождении Избавителя, они должны были подстраховаться, установить за всеми подозрительными хронами слежку, чтобы контролировать появление людей с запасами силы. А Будимир как раз и есть...

– Цс-с-с, – прижал палец к губам Такэда. – У стен есть уши, Слава, надо помнить об этом всегда. Что касается контроля, то засечь рождение мага непросто. Будимка родился сразу

⁶ А. Блок.

после Повеления Семерых, когда прислужники демономагов прятались по норам во избежание кары. Да и способности с приставкой «экстра» у малыша начали проявляться недавно, в десятилетнем возрасте. Но я понимаю вашу тревогу. У меня на душе тоже кошки скребут.

– Вы не доверяете Вуккубу?

– Никита доверяет, – уклончиво ответил Такэда. – Спите, утро вечера мудренее. Завтра все наши страхи покажутся нам смешными.

Вскоре они уснули, и приснился Ростиславу сон: будто бежит он по мрачному лесу, не хромя, с двумя мечами в руках, а за ним гонится жуткий зверь, воплощение Апокалипсиса, с тремя головами и шестью лапами, в которых сверкают огромные секиры. Бегство заканчивается на берегу огненной реки, у деревянного моста, на котором уже приплясывает в нетерпении Будимир.

– Быстрее, дядя Слава! – кричит он. – Не надо с ним сражаться! Это страж Калинова моста, он питается нашими эмоциями, страхом и ненавистью!

Ростислав бросил один из мечей в морду зверя и прыгнул на мост...

* * *

Утром Вуккуб пригнал микроавтобус «Соболь», они погрузились, Вуккуб сел за руль, и машина выехала из Томска по дороге на Новосибирск. Ростислав хотел было поинтересоваться, где хаббардианец достал новенький микроавтобус, но спутники вопросов не задавали, и Светлов промолчал, подумав, что Вуккуб мог просто загипнотизировать водителя или владельца «Соболя».

По шоссе ехали недолго, минут двадцать, за мостом через Обь свернули на север по грунтовой дороге, углубились в леса, придавленные тучами. Молчали. Вопреки утверждению Такэды, что утром они встанут бодрыми, свежими и бесстрашными, все почему-то чувствовали себя неуютно.

Сухов, посматривающий с неопределенной тревогой на сына, наклонился к нему:

– Что приуныл? Плохо себя чувствуешь?

– Не-а, хорошо... – тихо ответил мальчик. – Просто кто-то смотрит на нас... очень недобрый...

Мужчины переглянулись.

– Кто именно? Ты его видишь? Где он прячется?

– Везде... в лесу... в тучах... я не могу сказать точно.

– Они все-таки выследили вас, – сквозь зубы проговорил Вуккуб, – и запустили систему обнаружения. За нами «идет» охотничья программа, материализованный поток внимания. Успеть бы добраться...

Сухов думал несколько мгновений.

– Переодеваемся. Шансов прорваться больше не будет.

Они открыли сумки и переоблачились в «доспехи», расстав по карманам оружие и необходимые вещи.

Дорога закончилась, точнее, как бы растворилась в лесу. «Соболь» углубился в лес, с трудом объезжая поваленные деревья и заросли, потом запрыгал по кочкам начавшейся мари. Через полчаса Вуккуб остановил машину.

– Все, приехали. Дальше придется пешкодралом.

Он первым отыскал едва заметную тропинку, петлявшую между деревьями и кочками, быстро пошел вперед, прислушиваясь к чему-то и часто нагибаясь, будто приноживаясь к следам. За ним двинулись Ростислав с Будимиром, последними – Такэда и Сухов-старший.

Рука мальчика часто вздрагивала, то ли от волнения, то ли от страха, он спотыкался и тогда виновато вскидывал глаза на Светлова, как бы прося прощения.

- Не бойся, – попытался успокоить его Ростислав. – Все будет хорошо.
- Я не боюсь, – бледно улыбнулся Будимир. – Просто не привык держать «зонтик».
- Какой зонтик? – не понял Ростислав.
- Это я так называю невидимый мысленный экран, защищающий нас от чужих взглядов.

Дядя Вуккуб тоже держит такой «зонтик», но он больше шумит, чем защищает.

Тропинка вывела отряд на заболоченный берег Оби, Вуккуб остановился. Глаза его светились, как у кошки, что было заметно даже днем, ноздри хищного носа раздувались и вздрагивали.

- Осталось немного, идите след в след. Не разговаривайте.
- Разве болото заминировано? – наивно поинтересовался Ростислав.
- Можно сказать и так, хотя это особые «мины», их ставила сама баба Домна.

Дальше двигались медленно, подчиняясь жестам Вуккуба. Болото осталось справа, снова начался лес, уремный, чащобный, темный, заросший кустарником либо высокой травой и папоротником.

Тропинка стала заметней, спустилась в ложбину, в конце которой врос в землю огромный угловатый камень, стесанный с одной стороны. И на этом плоском шероховатом боку красовалась глубоко вырубленная надпись на русском языке: «Шел бы ты на...» Буквы были старинные витиеватые, с лишними хвостиками, да и весь камень, покрытый мхом, казался древним как мир, но смысл надписи был вполне современным, отчего у всех создавалось впечатление издевательского розыгрыша.

- Кому-то достало терпения сработать надпись под старину, – хмыкнул Такэда.
- Сыновья Домны забавляются, – буркнул Вуккуб. – Здесь в округе много таких «камней на распутье» наставлено.

Зашагали дальше, обходя камень.

Наконец впереди показался просвет, и они вышли на край просторной поляны, поросшей густой метельчатой травой по пояс человеку, на которой стояла мощная изба из потемневших от времени, толстых – едва ли не метрового диаметра – бревен. Остроконечная крыша у нее была крыта черной от времени и непогоды соломой, а окон изба не имела вовсе. Да и двери видно не было. Вид это строение имело такой, будто стояло здесь испокон веков.

- Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом, – тихо пробормотал Ростислав. Сухов сделал шаг вперед, но Вуккуб резко бросил:

– Стойте! Поляна вокруг избы поросла разрыв-травой, ноги повредите.

Он отломал сухую сосновую ветку, плюнул на нее и бросил почти на середину поляны, будто она была копьем. Ветка тяжело упала в траву, и тотчас же метельчатые стебли набросились на нее, стали гнуть и ломать, пока не разорвали на мелкие щепки. Трава успокоилась, стебли разогнулись как ни в чем не бывало.

- Эй, хозяйка, – позвал Вуккуб и добавил гортанным голосом:– Марга бан-хаан.

Раздался длинный скрип.

Ростислав поежился, прижимая к себе Будимира.

Изба вдруг колыхнулась, задымилась, стала вырастать вверх, словно выпрямляла ноги. Ростислав и впрямь ожидал увидеть куриные ноги, воспетые в сказках, однако вместо ног изба опиралась на два дымных столба, похожих на туго скрученные смерчи.

- Что это?..

– Врата в миры Веера, – сказал Такэда, понимая удивление Светлова. – Давным-давно произошла подмена понятий, отчего куриные ножки стали представляться в сознании людей куриными. На самом деле старорусское «кур» – это дым, туман.

В сплошной до этого момента стене избы протаяла черная прямоугольная дыра, из нее высунулась языком толстая доска, на которую ступило какое-то огромное, пузатое, волосатое существо в лохмотьях. Лицо существа тоже заросло зеленоватыми волосами, так что разгля-

деть можно было только большой белый нос картошкой и крошечные глазки-бусинки под мохнатыми бровями.

– Проложи дорожку, Резя, – попросил Вуккуб. – Гости пришли.

– Не велено, – густым басом проговорило существо.

– Исполняй, а то заколдую!

– Спробуй, коли духу хватит, – хихикнул заросший волосами пузан. – Цепняков спущу! Вуккуб покосился на спутников, достал из-под полы своей меховой куртки посох с изогнутой, похожей на волчью лапу ручкой, направил острие посоха на избу.

– О-ба-ннах!

С острия посоха сорвалась неяркая голубая искра... и ушла в землю в десяти шагах.

– Ёра, а сполагоря схизнешь⁷, – снова захихикало существо.

– Давай я дорожку проложу, – предложил вдруг Будимир.

Раздосадованный неудачей Вуккуб хотел выругаться, но посмотрел на мальчика и махнул рукой с мрачным оскалом:

– Попытайся, если сил хватит. Тааль, к сожалению, была права: старею я.

Будимир вышел вперед, закрыл глаза, повертел головой в разные стороны, застыл. Волосы его, и без того светлые, стали вдруг почти прозрачными, заискрились. Мальчик открыл глаза, вытянул вперед правую руку, с пальцев стекли на землю тоненькие струйки розового свечения, побежали в траву как живые. И случилось чудо: трава внезапно легла полосой, словно придавленная асфальтовым катком, образовав ровную дорожку метровой ширины до стоявшей на дымных «ногах» избушки Вуккубовой родственницы.

Лохматый пузан, которого Вуккуб назвал Резей, завизжал от испуга, запрыгал на доске, как мячик, и нырнул в дверь избы. Там заголосили на три голоса, послышался шум, звон, стук, изба шатнулась, и тут же на доску вылезла седая крючконосая женщина в тулупе, с темным морщинистым лицом, на котором светились прозрачные желтые глаза.

– Кого это еще несет в такую рань? – проворчала она неожиданным басом. – Вы зачем моих детушек пугаете, оглоеды?

– Привет, Домна, – сказал Вуккуб, направляясь по дорожке к избе. – Али не узнаешь?

Старуха козырьком приставила ко лбу ладонь.

– Никак родич пожаловал, Хорба сынок. Неужто вспомнил?

– Помощь твоя нужна, Домна, вот я и пожаловал.

– Разве ты сам не в состоянии добиться всего, чего хочешь? Али обессилел?

– Не мне нужна помощь, вот им. – Вуккуб махнул рукой на спутников, оставшихся на опушке леса. – Отправь их в Шаданакар.

Старуха присвистнула.

– С чего это ты взял, что я связана с Шаданакаром? – Она перешла на хаббардианский язык. – Вуаррах бе ккириус дод нах? Урр ма тиб?

Лингвер в ухе Ростислава перевел:

– С каких расчетов ты решил помочь людям? Кто они тебе?

– Это мои друзья, – ответил Вуккуб по-русски. – Они помогли мне когда-то, я хочу отплатить тем же.

– Мир перевернулся, – усмехнулась старуха. – Уж если хаббардианцы начали помогать землянам, жди беды.

– Абсолютно верно. Беда стучится в наши дома, и тебе не отсидеться в хате с краю. ОН зашевелился.

Глаза старухи сверкнули.

– ОН? Не брешешь?

⁷ Ёра – лихой человек, удалец; сполагоря – легко, просто; хизнуть – становиться слабым, больным (*старорус.*).

Такэда вдруг тронул Сухова за локоть, показал ему эрцхаор. Внутри черного камешка мигала алая пятиконечная звезда.

– Кто-то нас догоняет!

Плечи Будимира под рукой Ростислава вздрогнули, мальчик поднял голову, прошептал:

– Сюда идут... злые... со всех сторон...

– Вук, быстрее! – сказал Сухов, вынимая из кармана пистолет. – Похоже, нас достали.

Встрепенулась и баба Домна, приставила к уху ладонь.

– Что за чудеса? Откуда их столько? Не ты ли их навел, паразит?

– Может, и я, – буркнул Вуккуб, озираясь. – Было у меня подозрение, что я под наблюдением... Так сможешь или нет? Этому отроку обязательно надо попасть на «лестницу».

– Чей отрок-то?

– Сын Седьмого, слышала небось?

– То-то я чую – силой пахнет! Уж не Избавителя искать собираетесь?

– Прикуси язык, старая, нас подслушать могут!

– Тут мои владения, непроглядом заколдованы, никто ничего не увидит и не услышит.

Где-то недалеко в лесу раздался приглушенный вопль.

Старуха усмехнулась.

– Во, слышал? Капканчики мои зубастенькие работают. Ладно, помогу я тебе, Вуккуб, вернее, не тебе – ты у меня из доверия вышел, а этому отроку. Глаза у него хорошие, чистые. Проходите в хату, гости нежданные, да поторопитесь, пока не появились ваши недруги. Много их, и все в таких же костюмах, что и на вас.

– Какой-то спецназ! – сквозь зубы проговорил Такэда.

– Программа контроля может вселяться в любого человека, а охотничья выбирает профессионалов, – угрюмо пояснил Вуккуб.

Ростислав направился к дому, держа за руку вздрагивающего в нервном ознобе Будимира.

Из-за спины бабы Домны вылез ее страхолюдный сынок, что-то жалобно залопотал. Старуха шлепнула его по голове:

– Курри дабха ун раругги!

Волосатый пузан опрометью кинулся в избу.

– Быстрее, защитник! – оглянулся Вуккуб; у него светились кончики ушей и встали дыбом волосы.

– Давай, маленький, подсоблю, – нагнулась баба Домна, протягивая руку.

Но Ростислав сначала влез на доску сам, потом втащил Будимира, оглянулся. Сухов и Такэда пятились к избе, направив стволы пистолетов на лесные заросли, а из леса доносился треск валежника, человеческие голоса и частые вскрики. Колдовские «мины» бабы Домны продолжали делать свое дело, заставляя неведомых преследователей двигаться осторожнее и медленнее.

– Уходите, мы прикроем вас, – бросил Вуккуб. – Не попадите в Суфэтх – не выберетесь.

– Что такое Суфэтх? – мрачно осведомился Ростислав. – Хаос, что ли?

– Вам же должны были дать всю информацию. Суфэтх действительно олицетворяет собой Хаос, но с другой стороны, это «кладбище» Шаданакара, его «сгоревшая» плоть, способная поглотить любой материальный объект. Будьте внимательнее при выходе из кокона темпорала.

– Как узнать, что это Суфэтх?

– Этот юноша должен почувствовать. Прощайте!

Ростислав оглянулся на спутников, вдруг открывших стрельбу. Пригнулся, доставая пистолет и прикрывая телом Будимира. Из леса замелькали вспышки выстрелов, пули с чавкающими звуками начали влипать в стены избы.

– Уходите! – крикнул Сухов-старший. – Мы вас нагоним!

Одна из пуль вжикнула над ухом застывшей бабы Домны, та отшатнулась, подняла руку над головой, стала черной и страшной!

– У-у, басурманы, нет от вас покоя! Ка-ба-ннах!

Из-под избы ширкнуло прозрачное пламя, превратилось в густые струи дыма, прострелившие поляну насквозь, вонзились в лесную чащу. Послышались крики, стоны, гулкий треск, стрельба на время прекратилась.

Баба Домна подтолкнула Ростислава к проему входа.

– Чего встал, гойда шибче!

Они вбежали в избу, заполненную вязкой темнотой, как водой. Ростислав споткнулся обо что-то твердое, едва удержался на ногах. Твердое буркнуло:

– Под ноги гляди, слепень!

– Сюда!

Его схватили за руку, дернули в сторону, так что он едва не выпустил руку Будимира. Впереди обозначились очертания прямоугольника, похожего на дверь. Светлов шагнул вперед и словно прорвал черную пленку, оказавшись в тесном помещении неопределенной формы, залитом призрачным пепельным светом. Стены помещения казались деревянными и серебрились инеем, хотя холода не чувствовалось. В одной из стен протаяла дыра, в которую выглянула голова давешнего лохматого пузана, скрылась. Дыра затянулась. Но тут же рядом появилась еще одна дыра, из нее высунулась голова другого мужика, лысого, с бледным синеватым лицом, на котором выделялись огромный нос и фиолетовые губы.

– Ждите, шас матка придет, – сообщила голова и скрылась.

Ростислав посмотрел на Будимира, но мальчишка испуганным не казался, в его глазах читались любопытство и удивление. Но не страх. Уловив взгляд Ростислава, он несмело улыбнулся.

– Это, наверное, Синя.

– Что?

– Дядя Толя говорил, что у Бабы-Яги три сына: Пузя, Резя и Синя. Нас встретил Резя. А это был Синя.

– Похоже, – согласился Ростислав. – Ты думаешь, баба Домна и есть Баба-Яга?

– Баба-Яга – сказочный персонаж, – по-взрослому ответил Будимир, – а баба Домна – реальное воплощение образа.

– Это тебя дядя Толя просветил?

– Он еще говорил, что Яга – это измененное «йога», то есть способность мистического перемещения.

– Наверное, он прав. Не боишься, что мы с тобой попадем в... этот, как его... в Суфэtx?

– Боюсь, – кивнул мальчик серьезно. – Но ведь кто-то же должен рисковать ради спасения мира?

– Это уж точно, – пробормотал Ростислав, не зная, смеяться ему или плакать в ответ на заявление.

В стене помещения за спинами беглецов открылась щель, в нее протиснулась старуха Домна с лукошком и с узелком в руках. В лукошке лежала горка куриных яиц – с десяток.

– Держи, мечарь, да смотри не растеряй!

– Спасибо, не надо, – мотнул головой несколько озадаченный Ростислав. – Кое-какие запасы продовольствия у нас имеются...

– В лукошке-то не еда, – усмехнулась старуха, – как ты подумал, хромой. Это кляца⁸. Каждое яйцо заговорено и являет выход на «лестницу». Бросишь на землю, назовешь к л ю ч, оно и развернется. Запоминай.

⁸ Кляца – сила, открывающая Ворота Нави (*древнерусск. фольк.*).

Баба Домна произнесла какое-то слово.

Ростислав уловил только раскатистое «чарр».

– Что? Извините, не расслышал...

– Вот он небось расслышал, – кивнула старуха на Будимира. – У-у, глазищи-то какие, прям слеза прошибает. Надо же, у кого-то дети как дети рождаются, а у кого-то уроды... Держи вот. – Она сунула мальчику маленькую матрешку. – Это оберег. Если что – кликни ее, она даст связь с мамкой. Ну, пора. Опасайтесь только... – Домна не договорила.

Пол помещения вздрогнул, стены зашатались и заскрипели.

– Ах, шайтан их задери! – выругалась старуха. – Никак гранату бросили! Все, прощайте, скатертью дорога. «Лестница» приведет вас на Хаббард, ищите там заколдованного зверя, он станет вашим помощником. Благослови вас Вышний! Встретите где мою сестрицу Ягойой, привет ей передайте, она добрая, поможет.

Баба Домна сделала рукой какой-то знак, в воздухе повисла светящаяся фигура, похожая на стебель цветка с тремя листиками. Еще один удар сотряс избу. Баба Домна исчезла. Будимир прижался к Ростиславу, не знавшему, куда деть лукошко с яйцами.

И в это время свет в помещении померк, мягкая сила подхватила беглецов и понесла сквозь пространство и время...

ГЛАВА 2

Ростислав проснулся, как только забрезжил рассвет. Полежал, прислушиваясь к звукам, долетавшим в избу из леса, посмотрел на свернувшегося калачиком Будимира. Тот спал спокойно, неслышно, как бы и не дышал вовсе, и уже одно это говорило об отсутствии опасности по крайней мере в пределах ближайших лесных пространств. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить юного мага, Светлов поднялся и вышел из развалюхи, где они провели ночь, наружу.

Их бегство по «лестнице», связывающей миры-хроны Шаданакара, закончилось в точно такой же избе, в какой жила и баба Домна, разве что эта была поменьше и похлипче, да и в землю вросла чуть ли не на треть. Едва ли она могла служить коконом темпорала, как выразился Вуккуб, однако принять путешественников не отказалась. Хотя встряску они получили при «приземлении» такую, что долго не могли прийти в себя. По-видимому, хроноскважина, соединившая избу бабы Домны на Земле и мир Хаббарда, почти «заросла» либо «одряхла» и уже не могла функционировать с прежней эффективностью и качеством.

Прибыли беглецы сюда вечером. Осмотрели избу, состоящую из двух комнат, заполненных кучами ветоши, каких-то лохмотьев и пыли, затем побродили в окрестностях избы, поражаясь размерам деревьев, подступивших прямо к стенам избы, и вынуждены были вернуться в древнее строение с оплывшей крышей и неровной дырой входа, похожей на разинутый в крике рот. Теперь утром стоило оглядеться вокруг посерьезней. Это был другой мир, полный неведомых ловушек и опасностей.

Великаньи деревья, вплотную обступившие древнюю избу, оказались соснами, практически не отличавшимися от земных аналогов. Ростислав обнаружил под ними шишки величинной с голову человека и подумал, что, если такая свалится сверху, мало не покажется.

Зато остальные деревья и кустарники, хотя и напоминали земные березу, клен, дуб, лещину и можжевельник, все же имели ряд отличий, подчеркивая свое неземное происхождение.

Сила тяжести в этом мире не отличалась от земной, да и газовый состав атмосферы был примерно таким же: дышалось здесь достаточно легко. Однако наряду со знакомыми запахами воздух был насыщен *чужими* ароматами, в которых трудно было разобраться при первом знакомстве.

Судя по тесному сплетению кустарника и деревьев вокруг избы, а также по отсутствию троп и вообще каких-либо следов человеческой деятельности, изба была заброшена очень давно, лет сто назад, если не больше. Ею не пользовались ни как жилищем, ни как Вратами в миры Шаданакара. С одной стороны, это успокаивало, так как беглецам не надо было никому объяснять свое появление, с другой – отсутствие хозяев не позволяло выяснить, куда путешественники попали и как добраться до места, где томится в неволе некий заколдованный зверь, которого нужно освободить.

Обойдя избу дважды по разворачивающейся спирали, Ростислав вернулся к «разинутой» двери и увидел стоящего с прижатыми к груди кулачками Будимира. Глаза у мальчишки были большими, серьезными, вбирающими, но страха в них не было. Увидев Светлова, он смущенно улыбнулся, опустил кулаки.

– А я хотел тебя будить, – сказал Ростислав, ощутив прилив отцовской нежности к этому славному человечку. – Не замерз?

– Не-а, я даже сильных морозов не боюсь, а здесь тепло. Это Хаббард, дядя Слава?

– На этот вопрос я тебе не отвечу. Точно – не Земля. Вот сейчас позавтракаем, тронемся в путь, встретим кого-нибудь и узнаем, куда попали. Хотя скорее всего это именно Хаббард.

– Здесь недалеко болото... очень глубокое... а чуть правей – очень плохое место, недоброе, мертвое...

– Кладбище, что ли?

– Не знаю, непохоже... Вернее, там есть захоронения, но это все же не кладбище.

– Значит, поле боя. Твой учитель предупредил, что мы можем наткнуться на поля древних сражений, хотя о Хаббарде речь не шла. Это же родина Вуккуба, на ней вроде бы никаких боев не было.

Будимир неопределенно повел плечом.

– Выясним, – сказал Ростислав. – Может, со времени последней войны Семерых и Люцифера здесь прошло больше времени, чем на Земле. Что еще ты видишь?

– Лес кругом, на много-много километров... А за болотом, километрах в двадцати отсюда, похоже, стоит город... но тоже старый, разрушенный, мертвый.

– Что ж, тогда маршрут такой: сходим сначала посмотрим на поле боя или что оно там на самом деле, потом обойдем болото и потопаем в город. Не может быть, чтобы здесь не осталось никого живого, обязательно кого-то встретим. Конечно, стоило бы подождать наших, не верю я, что они не смогли отбиться от «эсэсовцев», но что-то мне подсказывает, что эта изба уже больше функционировать не будет.

– Да, она истощилась, – согласился Будимир. – Из нее ушла вся сила, я чувствую. Но если папа сказал, что они нас догонят, значит, догонят.

Ростислав поразился вере сына Никиты в твердость слова отца, однако возражать не стал, хотя определенные сомнения насчет «догонят» имел.

Они расположились на пороге избы, вскрыли ножом банку рыбных консервов и съели с сухарем, поделив пополам. Сделали по глотку воды из фляги Светлова. Все их продовольственные запасы состояли из двух таких банок, полкаравая хлеба, куска копченого сыра и трех пакетиков супа быстрого приготовления, поэтому первое время надо было еду экономить. В дальнейшем Ростислав надеялся пополнить запасы охотой и добыванием съедобных плодов местной флоры, если не найдутся добрые люди и не накормят путников.

Тронулись в путь, руководствуясь ментальным «запахом» направления, который ощущал Будимир. Пробираясь между громадными деревьями, обходя буреломы, заросли колючего кустарника, путаясь в густой папоротниковидной траве, было нелегко, поэтому скорость передвижения путешественников не превышала двух километров в час. Ростислав, настроенный по-боевому, сначала напрягался, прислушиваясь к долетавшим со всех сторон звукам лесной жизни, потом вошел в равновесие с местной природой и стал ощущать ее токи, шепоты и взгляды, что позволяло и ему двигаться целеустремленно, с достаточной уверенностью в безопасности пути.

Спустя три часа они вышли на край всхлопленной равнины, уходившей вперед до горизонта, и остановились.

Больше всего равнина напоминала танковый полигон под Новомосковском, который Ростислав в юности часто посещал с отцом в поисках грибов. Полигон этот состоял из множества мелких и больших воронок, кратеров, рытвин и холмов, опаленных огнем. Во время учений и стрельб здесь часто возникали пожары, уничтожавшие растительность, поэтому главными цветами полигона были черный, рыжий, серый и коричневый. Зелеными оставались лишь полосы деревьев вокруг воронок и небольших болотцев, где собственно и росли грибы – великолепные подосиновики, белые, рыжики и опята.

Эта равнина выглядела примерно так же, разве что зеленого цвета на ней было гораздо больше, только там, где склоны холмов поросли травой. Но главной особенностью равнины были не воронки, а обломки машин, ржавые, сгоревшие, утонувшие в земле, хотя встречались и пустые остовы и даже с виду совершенно целые механизмы, отблескивающие зеркальной броней, либо матово-черные, отливающие синевой, похожие на ракетные установки и на суперсовременные танки.

– Мать честная! – почесал в затылке Ростислав. – Это и в самом деле поле битвы! Хотя если приглядеться... – Он помолчал, разглядывая равнину, проверяя свои предположения. – По всей видимости, эта стальная армада не успела поучаствовать в бою, ее просто накрыли ракетно-бомбовым ударом!

– Воронки действительно могли образоваться от взрывов ракет или бомб, – сказал Будимир, – а вот те ложбины и рытвины сделаны другим оружием.

– Каким?

– Кто-то применил здесь шиххиртх.

– Ты имеешь в виду оружие этих дьяволов, Великих игв?

– Мне так кажется.

– Что ж, вполне вероятно, хотя возникает вопрос: зачем игвы применили шиххиртх на Хаббарде? Ведь хаббардианцы были на их стороне? Да и не их это уровень.

Будимир покраснел.

– Я не утверждаю...

– А я не спорю, – мягко улыбнулся Ростислав. – Как ты думаешь, мы можем пройти через поле напрямик или лучше обойти его?

Мальчик оглядел мрачную выжженную равнину с остатками уничтоженной бронетехники, прислушался к чему-то.

– Вообще здесь все давно умерло, а уцелевшие снаряды и ракеты сами собой не взрываются. Там где-то впереди что-то светится... опасное... но спящее и маленькое...

– Где? – встрепнулся Ростислав. – Покажи.

– Там, за красным холмом... оно светится по-другому, не как огонь...

– Понял, все время забываю, что ты видишь энергетiku, что весьма кстати. Давай-ка сходим туда, посмотрим, не найдется ли какая-нибудь полезная вещь.

Они углубились на территорию древней военной базы или части, по которой был нанесен бомбо-ракетно-энергетический удар. Поднялись на ржаво-красный холм, поднимая облачка рыжей пыли, и внизу под холмом обнаружили нечто похожее на летающее блюдце, косо торчащее из склона холма. В днище блюдца фиолетового цвета виднелось рваное отверстие диаметром около метра.

– Вездеход на воздушной подушке, – предположил Ростислав.

– Это летающая машина, – покачал головой Будимир. – Она отличается от других лежащих здесь машин.

– Чем? Цветом?

– Нет, запахом.

– Ты думаешь, на ней прилетели те, кто разбомбил эту танковую армаду?

Будимир молча кивнул.

Ростислав хмыкнул, более внимательно разглядывая «блюдце». Оно действительно отличалось от остальной военной техники неким неуловимо тонким ароматом чужеродности и угрозы. Существа, создавшие «летающее блюдце», явно мыслили иначе, злее, чем те, кому принадлежали остатки разбомбленной армии.

– Так где же твои светящиеся объекты?

– Внутри, – кивнул на «блюдце» Будимир.

– Проверим.

Они спустились с холма в низинку, окунулись в тень летательного аппарата, край которого нависал над бугристой землей ощутимо массивной глыбой.

– Постой тут, – сказал Ростислав, всматриваясь во мрак пробитой в днище аппарата дыры.

– Я с вами, – не согласился мальчик.

– Ладно, полезли вместе.

Глаза начали различать внутренности отсека, стенки, какие-то плоскости и трубы. Ростислав подтянулся на руках, закинул ногу за край дыры, потом вторую, стараясь не зацепиться за фестоны расплавленных краев отверстия. Перебрался в отсек, протянул руку Будимиру. Оказавшись внутри аппарата, они некоторое время осматривались, потом обнаружили овальный люк в стене помещения и с некоторым трудом проникли в соседний отсек, мало чем отличающийся от первого: та же необычная планировка, переплетение труб и плоскостей, теснота.

Еще один люк – в потолке.

Ростислав просунул голову и увидел полусферическое помещение, освещенное сквозь полупрозрачный купол потолка дневным светом снаружи. По-видимому, это была кабина управления «блюдцем». В центре кабины располагалось полураскрывшееся цветком тюльпана сооружение, напоминающее кожистое яйцо высотой около полутора метров. Внутри яйца виднелось что-то белое, похожее на ежа в обрамлении гофрированных шлангов.

– Хозяин, – пробормотал Ростислав. – Точнее, скелет пилота. Ну, и где тут что светится?

– Внутри этого кокона.

Ростислав осторожно приблизился к пилотскому яйцу-креслу; пол кабины был наклонным, и идти по нему было трудно. Вблизи окончательно стало ясно, что внутри кокона действительно находится высохший труп пилота, ничем не похожего на человека. Ростислав с содроганием потянул вниз один из лепестков кокона, и тот рухнул вниз облачком синеватой пыли. Обнажился необычной формы блестящий карман, из которого торчала самая обыкновенная с виду палка толщиной в человеческий палец, серебристого цвета с перламутровым отливом.

– Ты не эту штуковину имел в виду?

– Да, – тихо подтвердил Будимир. – Это вардзуни... и у него еще сохранился заряд... хотя и маленький...

Ростислав выдернул палку из кармана и чуть не выронил – руку свело как от легкого электрического разряда.

Палка оказалась коротким копьём с острым, льдисто-мерцающим наконечником.

– Вспомнил, твой дядя Толя рассказывал об этом оружии. Оно пробивает любой металл.

– Вардзуни метает особые молнии, которые разрушают молекулярные связи вещества.

Но им может пользоваться не каждый человек.

– Оно имеет встроенный опознаватель свой-чужой, – догадался Ростислав. – Это нам знакомо, у меня пистолет с такой штучкой. Захватим вардзуни с собой, вдруг пригодится.

Он обошел кресло пилота, обрывая лепестки кокона, однако больше ничего похожего на «полезные предметы» не обнаружил, а копаться в мумии пилота не хотелось.

– Пошли отсюда, ничего здесь больше нет, да и атмосфера душная. Интересно, к какой цивилизации принадлежит этот «осьминог»? Не Великий игва, случайно?

– Великие игвы были многомерными существами, способными принимать любой облик. Папа говорил, что убить их почти невозможно.

– Тем не менее, судя по рассказам твоего учителя, твой папаша сумел замочить аж трех Великих.

Будимир свел брови.

– Он защищался.

– Я пошутил, извини. Сам не раз попадал в ситуации, когда без жесткого отпора никак было не обойтись. А твоего отца я очень уважаю. Пройти Путь Меча так, как сделал он, дано лишь исключительно сильным личностям.

Будимир порозовел, благодарно посмотрел на спутника. Ростислав понял, что с этого момента он занимает в сердце мальчишки далеко не последнее место.

Они вылезли из сбитого летательного аппарата наружу. Ростислав приторочил «копье» вардзуни за спиной, чтобы его удобно было выдернуть за древко, отдал Будимиру лукошко с яйцами, и путешественники двинулись через унылое пространство мертвой равнины, на кото-

рой уже много лет ничего не росло кроме чахлах кустиков травы. Обошли центр поля, по которому был нанесен наиболее мощный удар: воронки там сливались в один глубокий многодырчатый кратер. Ни одна машина хаббардианцев там не уцелела. Затем начали встречаться разбросанные по холмам обломки, пустые корпуса, а у лесной опушки – совершенно не тронутые с виду механизмы, похожие на танки, пусковые ракетные установки и бронетранспортеры.

Ростислав хотел было обследовать парочку этих блестящих или матово-черных громад, но не успел. У одного механического монстра с гусеницами через весь корпус их ждал сторож поля. Вернее, так поначалу оценил ситуацию Светлов, когда увидел высокую согбенную человеческую фигуру в сером плаще до пят, опиравшуюся на сучковатый посох. Вблизи человек оказался стариком с шапкой черных, с проседью, волос, с бородой и усами, в которых также виднелись седые пряди. У старика были мощные брови, темное, морщинистое лицо и крючковатый длинный нос. Именно такими Светлов в детстве представлял себе колдунов. Хромая больше, чем требовалось, держа восстанавливающую руку в привычно полусогнутом положении, прижатой к боку, он приблизился к старику и остановился в десятке шагов, положив правую руку на плечо Будимира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.